

КЕНДАРИ БЛЕЙК

ДЕВУШКА
ИЗ КОШМАРОВ

Annotation

«Отпусти ее, — говорят мне. — Смирись. Оставь прошлое в прошлом». Некоторые даже считают, что Анна Корлов заслуживает своей участи. Что ад — как раз то место, где ей следует быть. В конце концов, она же убивала людей... Но я думаю по-другому. Анна совершала преступления не по своей воле. И она пожертвовала собой, спасая меня и моих друзей. Я просто не могу от нее отвернуться. И если для того, чтобы помочь ей, нужно найти путь из нашего мира в преисподнюю, — что ж, я это сделаю. Неважно, сколько раз я услышу, что это невозможно.

Кендари Блейк

Девушка из кошмаров

© Кузнецова А.А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

По-моему, я некогда убил девушку, похожую на эту.

Да, точно. Ее звали Эмили Данаггер. Она погибла лет в тринадцать от рук подрядчика, работавшего над домом ее родителей. Тело ее было замуровано в чердачную стену и закатано шпукатуркой.

Моргаю и невнятно бормочу в ответ на какой-то вопрос, только что заданный сидящей рядом девушкой. Скулы у Эмили были повыше. И нос другой. Но форма лица практически такая же, словно я смотрю на девушку, за которой шел по следу наверх, в гостевую комнату. Дело заняло почти час. Я вонзал атам в одну стену за другой, а она выскакивала оттуда, все время стараясь оказаться у меня за спиной.

— Обожаю фильмы про монстров, — говорит сидящая рядом девушка, чье имя я не могу вспомнить. — Мои любимчики Пила и Джейсон^[1], однозначно. А твои?

— Да я ужастики как-то не очень, — отзываюсь я, не упоминая о том, что ни Пила, ни Джейсон, строго говоря, монстрами не являются. — Мне нравится где взрывы, спецэффекты.

Кейт Хект. Вот как ее зовут. Очередная старшеклассница из «Уинстона Черчилля». У нее орехового оттенка глаза, несколько великоватые для ее лица, но красивые. Понятия не имею, какого цвета были глаза у Эмили Данаггер. К моменту нашей встречи вся краска из них давно вытекла. Я помню ее лицо, бледное, но не слепое, проступающее сквозь потускневший цветочный рисунок на обоях. Теперь-то это кажется тупостью, но в тот момент это была самая захватывающая игра в «шмяк-крота» с мертвой девушкой в роли последнего. Я весь взмок. Это случилось давным-давно, когда я был гораздо моложе и возбудимее. Оставалось еще много лет до встречи с призраками, обладающими какой-то реальной силой, — вроде Анны Корлов, девушки, которая могла бы в любой момент вырвать мне хребет, а вместо этого в итоге меня спасла.

Я сижу в угловой выгородке кофейни на Бей-стрит. Напротив меня Кармель с двумя друзьями, Джо и Чедом, они, по-моему, вместе класса с седьмого. Фу. Рядом со мной Кейт Хект — предполагается, что у меня с ней свидание. Мы только что посмотрели кино, про что не помню, но, кажется, там были гигантские собаки. Кейт разговаривает со мной, преувеличенно жестикулируя, вскидывая брови и демонстрируя в улыбке безупречные благодаря проношенным все детство брекетам зубы, — старается привлечь мое внимание. Но я могу думать лишь о том, что она похожа на Эмили Данаггер, только куда скучнее.

— Ну, — неловко говорит она, — как тебе кофе?

— Неплох, — отвечаю я. Пытаюсь улыбнуться.

Она ни в чем не виновата. Это Кармель уболтала меня на этот фарс, и я сам согласился в нем поучаствовать, только чтобы она заткнулась. Чувствую себя свиньей за напрасно потраченное Кейт время. И еще большей свиньей за то, что втайне сравниваю ее с мертвой девушкой, которую убил четыре года назад.

Разговор буксует. Я делаю большой глоток кофе, он здесь и впрямь неплох. Много сахара, взбитых сливок и тертых орехов. Кармель под столом пинает меня, и я едва не проливаю кофе себе на подбородок. Когда понимаю взгляд, она болтает с Джо и Чедом, но она сделала это явно намеренно. Ухажер из меня никудышный. Левый глаз у нее начинает дергаться.

Я кратко прикидываю, как повести вежливую беседу. Но я не хочу поощрять эту

историю и динамичность Кейт. Вообще загадка, почему ей захотелось выйти в свет со мной. После того что случилось в прошлом году с Майком, Уиллом и Чейзом — Майка убила Анна, а Уилла и Чейза сожрал призрак, убивший моего отца, — я в «Уинстоне Черчилле» пария. Меня никогда не связывали с этими убийствами, но все что-то подозревают. Знают: парни меня ненавидели и в итоге умерли.

Выдвигались всякие гипотезы относительно того, что могло произойти, чудовищные слухи раздувались и циркулировали, вырастая до эпических масштабов, и наконец затихали. Наркотики, шептались люди. Нет-нет, это был подпольный сексуальный кружок. Кас поставлял им амфетамины, чтобы у них лучше получалось. Он типа наркодилера.

Люди отводят глаза, проходя мимо меня по коридорам. Шепчутся у меня за спиной. Порой я сомневаюсь в своем решении окончить старшие классы в Тандер-Бее. Не выношу, что эти идиоты носятся со всеми своими теориями, в большинстве своем нелепыми до крайности, однако никому из них не пришло в голову упомянуть привидение, о котором им всем прекрасно известно. Никто ни разу не заговорил об Анне-в-Алом. К таким пересудам по крайней мере стоило бы прислушаться.

Порой я даже открываю рот, чтобы предложить маме найти нам другой дом в другом городе, где я мог бы сколько угодно охотиться на агрессивных покойников. Мы уже несколько месяцев назад собрали бы манатки, если бы не Томас и Кармель. Несмотря на все усилия в противоположном направлении, я привык полагаться на Томаса Сабина и Кармель Джонс. Странно думать, что сидящая напротив девушка, тайком посылающая мне гневные взгляды, вначале была для меня просто инструментом. Просто способом узнать город. Странно думать, что некогда Томас, мой лучший друг, казался надоедливым чокнутым прилипалой.

Кармель снова пихает меня, и я смотрю на часы. С момента, когда я смотрел на них последний раз, прошло едва ли пять минут. Кажется, они сломались. Когда Кейт словно невзначай проводит пальцами по моему запястью, я отстраняюсь и отпиваю глоток кофе. От моего внимания не ускользает, как она смущенно и неловко ерзает, когда я так делаю.

Совершенно неожиданно Кармель громко произносит:

— Кас, по-моему, еще даже не шуршал по колледжам. А, Кас? — На сей раз она пинает меня сильнее. О чем она говорит? У меня же еще не выпускной класс. С чего мне думать о колледже? Разумеется, у Кармель будущее наверняка распланировано начиная с детского сада.

— Я подумываю про Сент-Лоренс, — говорит Кейт, а я сижу молча. — Папа говорит, что Сент-Клер лучше. Только я не знаю, что он подразумевает под этим «лучше».

Невнятно мычу в ответ. Кармель смотрит на меня как на идиота. Едва не ржу. Намерения у нее самые лучшие, но мне совершенно нечего сказать этим людям. Полный ноль. Жалко, здесь нет Томаса. Когда телефон у меня в кармане начинает вибрировать, я выскакиваю из-за стола слишком быстро. Стоит мне выйти за дверь, они начнут говорить обо мне, гадая, что со мной такое, и Кармель скажет им, что я просто нервный. По фигу.

Это звонит Томас.

— Привет, — говорю. — Снова мысли читаешь, или это просто удачное совпадение?

— Настолько плохо?

— Я думал, будет хуже. Что случилось?

Почти чувствую, как он пожимает плечами:

— Ничего. Просто подумал, что тебе может понадобиться путь к отступлению. Я сегодня после обеда получил машину из мастерской. Так что теперь, наверное, можно

скагаться в Гран-Марэ.

У меня вертится на кончике языка «В смысле «наверное»?», но тут из дверей кафе выскальзывает Кармель.

— О черт, — бормочу я.

— Что?

— Кармель идет.

Она останавливается передо мной, скрестив руки на груди. В трубке чирикает голос Томаса, желающего знать, что происходит, надо ему заезжать за мной ко мне домой или нет. Не успевает Кармель ничего сказать, как я подношу трубку обратно к уху и говорю «да».

Кармель за нас извиняется. У себя в «Ауди» она ухитряется играть в молчанку целых сорок секунд, ведя машину по улицам Тандер-Бея. На нашем пути приключается то странное совпадение, когда светофоры загораются зеленым прямо перед нами, словно заколдованный эскорт. Асфальт мокрый, еще похрустывают остатки льда у обочин. Через пару недель начинаются летние каникулы, но город об этом, похоже, не знает. Конец мая, а температура по ночам по-прежнему падает ниже точки замерзания. Единственный признак окончания зимы — шторма: визжащие шквалы налетают с озера и откатываются обратно, смывая ошметки зимней слякоти. Я не был готов к такому количеству холодных месяцев. Они сжимают город словно в кулаке.

— Зачем ты тогда вообще поперся? — спрашивает Кармель. — Если собирался вести себя именно так? Кейт из-за тебя реально плохо.

— Из-за нас. Я с самого начала не хотел этого делать. Это ты подогревала ее надежды.

— Ты ей нравишься с уроков химии в прошлом семестре, — хмурится Кармель.

— Тогда тебе следовало бы рассказать ей, какая я скотина. Расписать меня как эдакого дебильного урода.

— Лучше позволить ей увидеть это собственными глазами. Ты ж едва пять слов произнес. — Она разочарованно щурится — выражение, граничащее с отвращением. Затем лицо ее смягчается и она откидывает с плеча светлые волосы. — Просто подумала, что тебе бы не помешало выйти в свет и познакомиться с новыми людьми.

— Я знакомлюсь с массой новых людей.

— Я имею в виду живых людей.

Смотрю прямо перед собой. Может, это была колкость насчет Анны, а может, и нет. Но меня это бесит. Кармель хочет, чтобы я забыл. Забыл, что Анна спасла нам всем жизнь, что она пожертвовала собой и утащила обеата в Преисподнюю. Кармель, Томас и я долго пытались выяснить, что случилось с ней после той ночи, только ничего не добились. Полагаю, Кармель считает, что пора перестать искать Анну и отпустить ее. Но я не перестану. Положено, не положено — не волнует.

— Тебе не обязательно было уезжать, — говорю. — Томас мог бы забрать меня оттуда. Или я бы пешком ушел.

Кармель покусывает свои красивые губы — привыкла, чтобы все было как она хочет. Мы дружим уже почти год, и у нее до сих пор возникает это озадаченное щенячье выражение, когда я не делаю того, что она говорит. В этом есть странное очарование.

— На улице холодно. Да и все равно скучно было. — Она безмятежно спокойна в своем верблюжьем полупальто и красных перчатках. Красный шарф завязан аккуратным узлом — несмотря на то, что уходили мы второпях. — Я хотела оказать Кейт услугу. Устроила ей свидание. Мы не виноваты, что она не смогла ослепить тебя своим обаянием.

— У нее хорошие зубы, — высказываюсь я.

Кармель ухмыляется.

— Наверное, это была дурацкая идея. Не стоило форсировать, да? — говорит она, и я притворяюсь, будто не замечаю исполненного надежды взгляда — Кармель ждет, что я поддержу разговор. Но я молчу. Разговор ни к чему не приведет.

Когда мы подъезжаем к моему дому, потрепанный «Темпо» Томаса уже припаркован на подъездной дорожке. Я вижу его силуэт внутри, он разговаривает с моей мамой. Кармель встает сразу за ним. Я ожидал, что меня высадят у бордюра.

— Возьмем мою машину. Я еду с вами, — говорит она и вылезает.

Я не возражаю. Вопреки моим самым лучшим намерениям, Кармель с Томасом, что называется, вступили в ряды. После истории с Анной и обеатом отсекать их уже бессмысленно.

Входим. Томас смотрится одной большой морщиной, плюхнутой на диван. При виде Кармель он встает, и глаза его проделывают привычный танец с прищуриванием и выпучиванием, пока он не поправит очки, после чего возвращаются к нормальному состоянию. Мама в просторном толстом свитере уютно устроилась в кресле. Не знаю, с чего люди взяли, что все ведьмы изводят тонны подводки и шастают по округе в бархатных плащах. Мама улыбается нам и тактично спрашивает, как нам понравился фильм, а не как прошло свидание.

Пожимаю плечами.

— Я как-то не уловил, — говорю.

Она вздыхает:

— Что ж, Томас говорит, что вы собираетесь в Гран-Марэ.

— Нынешний вечер не хуже любого другого, — киваю. Смотрю на Томаса. — Кармель тоже едет. Поэтому мы можем взять ее машину.

— Хорошо, — отвечает он. — Если возьмем мою, наверняка окажемся на обочине еще до того, как пересечем границу.

Мимолетная неловкость, пока мы ждем, чтобы мама вышла. Она ни в коем разе не цивил, но я стараюсь не посвящать ее в детали. После того как я едва не погиб прошлой осенью, в ее рыжих волосах появилось серебро.

Наконец она встает и сует мне в ладонь три маленьких, но очень пахучих бархатных мешочка. Я не глядя понимаю, что это такое. Свежая смесь трав ее классического охранного заклятья, по одному для каждого из нас. Кончиком пальца она касается моего лба.

— Береги их, — шепчет она. — И себя. — Оборачивается к Томасу: — А мне надо сделать еще свечей для магазинчика твоего дедушки.

— Те, что для процветания, уходят быстрее, чем мы успеваем снимать их с полок, — улыбается он.

— А ведь они такие простые. Лимон и базилик. И магнитный сердечник. Я заеду с новой партией во вторник. — Она поднимается по лестнице в комнату, отведенную под ее чародейные работы. Там полно восковых брусков, и масел, и пыльных бутылочек с травами. Я слышал, у других матерей есть целые комнаты, отведенные под шитье. Странно, должно быть.

— Когда вернусь, помогу тебе упаковать свечи, — говорю я, и она исчезает наверху. Ей бы снова кота завести. На месте Тибальта зияет дырка в форме кошки, плывущая за ней следом. Но, кажется, прошло всего полгода, как он погиб. Наверное, еще слишком рано.

— Ну что, мы готовы? — спрашивает Томас. Под мышкой у него холщовая курьерская сумка. Каждую крупицу информации, добытую нами по конкретному призраку, конкретной работе, он пихает в эту сумку. С ужасом думаю, как быстро его привязали бы к столбу и сожгли, попадись она кому-нибудь в руки. Он не глядя сует руку в бумажную кашу и проделывает жутковатый фокус ясновидящего, каждый раз безошибочно нащупывая искомое. Каждый раз словно та девица из «Полтергейста».

— Гран-Марэ, — бормочет Кармель, когда он протягивает ей бумаги.

Основное здесь — письмо преподавателя психологии из Розенбриджской старшей школы, старого отцовского кореша. До того как засучить рукава и приняться за формирование юных умов, он расширял собственное сознание, участвуя в трансовых сессиях^[2], которые возглавляли в начале восьмидесятых мои родители. В письме он говорит о призраке в Гран-Марэ, штат Миннесота, по слухам, обитающем в заброшенном амбаре. За последние три десятка лет в строении приключилось шесть смертей. Три из них, считается, при подозрительных обстоятельствах.

Подумаешь, шесть смертей. Дела с подобной статистикой обычно не попадают у меня в список срочных. Но теперь, когда я пустил корни в Тандер-Бее, выбор ограничен несколькими поездками в год, причем в такие места, куда можно обернуться за выходные.

— Значит, убивает оно, подстраивая людям несчастные случаи? — говорит Кармель, перечитывая письмо.

Большинство жертв амбара кажутся случайными. Фермер работал на тракторе, тот заскользил на кирпичах, перевернулся и придавил хозяина. Спустя четыре года жена фермера упала грудью на вилы.

— Откуда мы знаем, что на самом деле это не случайность? До Гран-Марэ далековато ехать просто так.

Кармель всегда называет привидения «оно». Никогда «он» или «она» и редко по имени.

— Можно подумать, у нас есть занятие поинтереснее, — говорю.

Атам у меня в рюкзаке шевелится. От знания, что он там, засунутый в кожаные ножны, острый как бритва и не нуждающийся в заточке, мне делается неуютно. Из-за него мне почти хочется вернуться на то проклятое свидание.

Со времен противостояния с обеатом, когда я узнал, что нож был связан с ним, я... не знаю. Не то чтобы я его боюсь. Я по-прежнему ощущаю его своим. И Гидеон уверяет, что связь между атамом и обеатом рассечена, что призраки, которых я теперь убиваю, больше не попадают к нему, питая его и увеличивая его мощь. Теперь они отправляются туда, куда им положено. Уж если кто что-то и знает, так это Гидеон, сидящий у себя в Лондоне по колена в затхлых томах. Он был с моим папой с самого начала. Но когда мне требуется второе мнение, мы с Томасом отправляемся в антикварный магазинчик и в который раз слушаем рассуждения его дедушки Морврана о том, как энергия удерживается на определенных уровнях и что обеат и атам больше не существуют на одном уровне. Что бы это ни значило.

Так что я его не боюсь. Но иногда чувствую, как его сила выходит наружу и толкает меня. Он чуть больше, чем неодушевленный предмет, и порой я недоумеваю, чего же ему надо.

— Однако, — говорит Кармель, — даже если это привидение, убивает оно только раз в несколько лет. Что, если ему не захочется убивать нас?

— Ну, — робко вступает Томас, — после того как в последний раз мы остались с пустыми руками, я начал работать над этим. — Он сует руку в карман своей армейской

куртки и вытаскивает круглый кусочек камня светлой окраски. Камешек плоский, толщиной примерно в дюйм, словно большая толстая монета. На одной стороне вырезан символ, нечто напоминающее модифицированный кельтский крест.

— Рунный камень, — говорю я.

— Красивый, — говорит Кармель, и Томас протягивает камень ей.

Сделано и впрямь хорошо. Резьба тонкая, и отполировано до белого блеска.

— Это приманка.

Кармель передает артефакт мне. Руна, чтобы выманить их наружу, нечто вроде валерьянки, только не для кошек, а для призраков. Очень умно — если сработает. Перекатываю камень в ладони. Он прохладный на ощупь и тяжелый, как куриное яйцо.

— Ну, — говорит Томас, забирая у меня камень и кладя его обратно в карман, — хочешь испытать его?

Я смотрю на них двоих и киваю:

— Давайте двигать.

Дорога до Гран-Марэ в Миннесоте долгая и по темноте скучная. В свете фар мелькают и пропадают купы сосен, и от наблюдения за этим пунктиром меня начинает укачивать. Большую часть пути в ту сторону я стараюсь спать на заднем сиденье или по крайней мере притворяюсь спящим, временами подслушивая беседу друзей. Когда они шепчутся, я знаю, что речь идет об Анне, но они ни разу не называют ее по имени. Я слышу, как Кармель говорит, что это безнадежно, что мы никогда не узнаем, куда она отправилась, а даже если это возможно, то, наверное, не стоит этого делать. Томас не особенно спорит; он никогда не спорит, если дело касается Кармель. Раньше подобные разговоры меня бесили. Теперь это просто общее место.

— Сворачивай, — говорит Томас. — Кажется, это та дорога.

Я вытягиваю шею, заглядывая через сиденье, пока Кармель опасно ведет «Ауди» не столько по дороге, сколько по перепаханной полосе грязи для внедорожников. У машины полный привод, но риск застрять все равно остается. Должно быть, на днях тут прошел сильный дождь, в колеях стоят лужи. Я как раз собираюсь сказать Кармель, чтобы плюнула и выбиралась задним ходом, когда в свете фар вдруг появляется что-то черное.

Резко останавливаемся.

— Это? — спрашивает Кармель.

«Это» представляет собой громадный черный амбар, стоящий на краю голого поля, из которого там и сям словно клочки волос торчат мертвые стебли растений. Дом, к которому он относился, равно как и все прочие строения, давно разобрали. Остался только амбар, темный и одинокий, поджидающий нас на краю безмолвного леса.

— Описанию соответствует, — говорю я.

— Описание фигня, — говорит Томас, шаря в своей курьерской сумке. — У нас же рисунок есть, забыл?

Он вытаскивает листок, и Кармель включает свет в салоне. Лучше бы она этого не делала: мгновенно возникает ощущение слезки, будто свет только что выдал все наши тайны. Рука у Кармель дергается к выключателю, но я кладу ей ладонь на плечо:

— Поздно.

Томас подносит рисунок к окну, сравнивая его с затененными контурами амбара. По моему, толку в этом не много. Грубый набросок сделан углем, поэтому все на нем просто разных оттенков черного. Его прислали нам по почте вместе с наводкой, а получен он был в

результате гипнотического транса. Кто-то зарисовал свое видение прямо в процессе. Вероятно, ему следовало бы открыть глаза и взглянуть на бумагу. набросок имеет отчетливые признаки сна — размытые края и множество резких линий. словно четырехлетний ребенок рисовал. Но чем дольше я их сравниваю, тем больше амбар и рисунок становятся похожи друг на друга, как будто дело не в форме, а в том, что за ней.

Глупости. Сколько раз отец говорил мне, что *места* плохими не бывают. Лезу в рюкзак и стискиваю атам, затем выбираюсь из машины. Лужа оказывается мне по щиколотку, и к моменту, когда я дохожу до багажника «Ауди», ноги у меня уже мокрые насквозь. Мы оборудовали и загрузили машины Кармель и Томаса как посты жизнеобеспечения — в них есть все, включая фонари и одеяла, а аптечка удовлетворяет запросам самого параноидального ипохондрика. Томас уже рядом, опасно ступает по грязи. Кармель открывает багажник, мы выгребаем три фонаря и стояночную лампу. Бредем вдвоем в темноте, чувствуя, как немеют ступни, и слушая, как хлюпает в ботинках. Мокро и холодно. Упрямые островки снега льнут к подножиям деревьев и основаниям амбарных стен.

Меня снова поражает зловещий вид амбара. Он даже хуже, чем у разваливавшегося викторианского дома, где жила Анна. Он припал к земле словно паук, выжидающий, когда мы подберемся достаточно близко, и притворяющийся неодушевленным. Но это глупости. Это просто холод и темнота пробирают до костей. Однако я вряд ли стану осуждать того, кто вздумает заявиться сюда с бензином и спичками.

— Вот. — Раздаю Томасу с Кармель свежие защитные амулеты. Томас кладет свой в карман штанов, Кармель держит свой в руках.

Лампу и фонари включаем только у самой двери, которая со скрипом покачивается туда-сюда на петлях, словно манит пальцем.

— Не отходите далеко, — шепчу я, и они прижимаются ко мне с обеих сторон.

— Каждый раз говорю себе, что мы спятили, раз этим занимаемся, — бормочет Кармель. — Каждый раз думаю, что лучше бы я просто ждала в машине.

— Не в твоём стиле оставаться на обочине, — шепчет Томас с другой стороны меня, и я чувствую, как Кармель улыбается.

— Я вам не очень мешаю? — интересуюсь я, протягиваю руку и распахиваю дверь.

У Томаса есть раздражающая привычка слишком увлекаться и размахивать лучом фонаря во все стороны со скоростью миллион миль в час, словно он рассчитывает застать привидение среди материализации. Но призраки застенчивы. Или, по крайней мере, осторожны. Ни разу в жизни у меня не бывало так, чтобы я открыл дверь и обнаружил, что смотрю прямо в лицо покойнику. Однако стоило мне сделать шаг внутрь — я тут же понимал, что за мной следят. Так происходит и на этот раз.

Это странное ощущение — чувство острого внимания где-то за спиной. Когда за тобой наблюдает призрак, ощущение еще более стремное, потому что не можешь определить, с какой стороны это исходит. Оно просто есть. Раздражает, но ничего не поделаешь. Вроде Томасова стробоскопа.

Прохожу в середину амбара и ставлю стояночный фонарь на землю. Сильно пахнет пылью и старым сеном, разбросанным по земляному полу. Пока я медленно поворачиваюсь вокруг своей оси, ровно и тщательно ведя лучом фонаря, сухая трава шелестит и похрустывает у меня под ногами. Кармель с Томасом пристально следят за лучом и жмутся ко мне. Я знаю, что по крайней мере Томас, будучи колдуном, тоже чувствует, что за нами наблюдают. Луч его фонаря зигзагом шарит по стенам вверх-вниз, выискивая углы и

потайные местечки. Он слишком выдает себя, вместо того чтобы использовать свет как отвлекающий маневр и уделять внимание мраку. Громко шуршит одежда; волосы Кармель шелестят по плечам словно чертов водопад, когда она оглядывается.

Выставляю руки вперед и делаю шаг назад, чтобы свет стояночной лампы пробился сквозь нашу скученную группу. Глаза у нас уже привыкли, и мы с Кармель выключаем фонарик. В амбаре пусто, только валяется нечто вроде остова старого плуга в южном углу, и стояночная лампа окрашивает помещение в приглушенно-желтые тона.

— Это то самое место? — спрашивает Кармель.

— Ну, для ночлега вполне сойдется, — говорю я. — Утром попробуем дойти пешком куда-нибудь, где получше ловит, и вызвать тягач.

Кармель кивает. Она уловила. Поведение попавшего в затруднительное положение путешественника срывает чаще, чем можно подумать. Вот почему оно фигурирует в таком количестве разных ужастиков.

— Тут ничуть не теплее, чем снаружи, — замечает Томас.

Он тоже наконец выключает фонарь. Сверху доносится какой-то шорох, и он подскакивает на фут и выхватывает фонарь. Луч упирается в балку на потолке.

— Голуби, судя по звуку, — говорю я. — Это хорошо. Если мы застрянем тут слишком надолго, возможно, придется устроить гриль-бар с домашней птицей.

— Это... отвратительно, — морщится Кармель.

— Как куры, только дешевле. Давай-ка про верим.

К люку ведет скрипучая гнилая лестница. Полагаю, что наверху мы обнаружим лишь сеновал и стайку устроившихся на ночлег голубей с воробьями, но напоминать Томасу и Кармель о бдительности не приходится. Они держатся сразу за мной, в постоянном контакте. Кармель задевает пальцем ноги зубья полуутопленных в сене вил и ахает. Мы смотрим друг на друга, и она качает головой. Это не могут быть те же самые вилы, на которые упала фермера жена. Именно это мы себе и говорим, хотя я не вижу реальных причин, почему это не могут быть те же самые вилы.

Я поднимаюсь на сеновал первым. Луч фонаря высвечивает широкое плоское пространство покрытого сеном пола и несколько высоких стопок тюков вдоль южной стены. Посветив вверх на двускатную крышу, вижу примерно полсотни голубей, ни один из которых вроде бы не возражает против нашего вторжения.

— Поднимайтесь, — говорю. Томас залезает следующим, и мы оба помогаем забраться Кармель. — Аккуратно, в этом сене полно птичьего помета.

— Мило, — бормочет она.

Оказавшись наверху все вместе, мы озираемся, но смотреть особо не на что. Это просто обширное крытое пространство, усыпанное сеном и птичьим дерьмом. Имеется система блоков, вероятно использовавшаяся для перемещения подвешенного к потолку сена, стропила обмотаны толстыми веревками.

— Знаешь, что я ненавижу в фонарях? — спрашивает Томас, и я смотрю, как его луч движется по помещению, выхватывая то птичьи головы и шевелящиеся крылья, то пустоту затянутых паутиной досок. — Они всегда заставляют тебя думать о том, чего ты не видишь. О том, что в темноте.

— Это верно, — подхватывает Кармель. — Это самый жуткий кадр в ужастике. Когда фонарь наконец натывается на то, что искал, и ты понимаешь, что лучше бы тебе не знать, как оно выглядит.

Им бы заткнуться обоим. Сейчас не время себя запугивать. Чуть отхожу в надежде положить конец беседе, а также проверить качество пола. Томас тоже чуть отходит, но в другую сторону, держась ближе к стене. Луч моего фонаря скользит по тюкам сена, задерживаясь на тех местах, где может что-нибудь прятаться. Не замечаю ничего, кроме того, как мерзко они выглядят, заляпанные коричневым и белым. За спиной у меня раздается длинный скрип, и когда я оборачиваюсь, лицо обдаёт порывом ветра. Томас нашел одну из сенных дверей и открыл ее.

Ощущение стороннего взгляда пропадает. Мы просто трое ребят в заброшенном амбаре, притворяющихся, будто попали в переделку, непонятно ради чего. Может, это изначально не то место и возникшее у меня при прохождении сквозь дверь ощущение всего лишь глюк.

— По-моему, не очень-то хорошо работает эта твоя руна, — говорю я.

Томас пожимает плечами. Рука его машинально движется к карману, где оттягивает ткань рунный камень.

— Я на него особенно и не рассчитывал. Мне не часто приходится работать с рунами. А самому вырезать и вовсе раньше не доводилось.

Он нагибается и выглядывает в сенную дверь, в ночь. Похолодало. Его выдох повисает туманным облачком.

— Может, это вообще не имеет значения. В смысле если это то самое место, сколько народу реально подвергается опасности? Кто сюда заходит? Привидению или кому еще наверняка стало скучно, и оно отправилось подстраивать случайные смерти где-нибудь еще.

Случайные смерти. Слова царапают поверхность моего мозга.

Я идиот.

Со стропил падает веревка. Поворачиваюсь заорать на Томаса, но слова вылетают недостаточно быстро. Успеваю выкрикнуть только имя и уже бегу, несусь к нему, потому что веревка падает, а висящий на ее конце призрак материализуется за полсекунды до того, как выпихнуть Томаса вниз головой в сенную дверь, а до холодной, твердой земли сорок футов.

Ныряю. Сено цепляется за одежду, замедляя движение, но я не думаю ни о чем, кроме промелькнувшей фигуры Томаса, и, вылетев до пояса в сенную дверь, успеваю схватить его за ногу. На то, чтобы удержать его, когда он ударяется о стену амбара, уходят все силы до последней капли, пальцы сводит. В следующий миг рядом оказывается Кармель, тоже наполовину вывесившись из двери наружу.

— Томас! — кричит она. — Кас, тяни его вверх!

Ухватив его каждый за одну ногу, мы вдергиваем его обратно — сначала ступни, потом до колен. Томас держится молодцом, не орет и вообще. Мы почти втащили его, и тут вопит Кармель. Мне не требуется оборачиваться, чтобы понять, что это призрак. На спину наваливается ледяное давление, и внезапно запах становится как в мясохранилище.

Оборачиваюсь — а он прямо передо мной: молодой парень в выцветшем комбинезоне и полотняной рубахе с коротким рукавом. Он толстый, с огромным пузом, и руки как бледные, слишком туго набитые сосиски. У него что-то не так с формой головы.

Выхватываю нож. Он вылетает у меня из заднего кармана, готовый вонзиться противнику прямо в брюхо, — и тут она смеется.

Она смеется. Я так хорошо знаю этот смех, хотя слышал его по пальцам пересчитать сколько раз. И исходит он из разверстой пасти жирного деревенщины. Атам едва не выпадает у меня из ладони. Затем смех резко обрывается, призрак пятится и ревет, звук такой, словно английскую речь проигрывают задом наперед через мегафон. Над головой срываются со

своих насестов полсотни голубей и, хлопая крыльями, устремляются на нас.

В гуще перьев и затхлого птичьего запаха я ору Кармель, чтобы продолжала тянуть и не позволяла Томасу упасть, но знаю, что она и так не позволит, хотя крохотные клювы и коготки возьмется у нее в волосах. Как только мы затаскиваем Томаса внутрь, я толкаю их обоих к лестнице.

Топот наших ног напоминает паническое хлопанье крыльев. Мне приходится напоминать себе, что надо посматривать назад — убедиться, что ублюдок не собирается толкать нас снова.

— Куда мы? — кричит потерявшая ориентацию Кармель.

— Просто за дверь, — орем в ответ мы с Томасом.

Когда моя нога касается нижней ступеньки лестницы, Кармель с Томасом уже бегут далеко впереди. Чувствую, как призрак материализуется справа от нас, и поворачиваюсь. При ближайшем рассмотрении я вижу, что не так у него с головой — затылок вмят. Также вижу, что в руках у него вилы.

Ровно перед тем как он швыряет их, я что-то кричу Кармель. Видимо, кричу правильно, потому что она резко оборачивается посмотреть, в чем дело, и дергается вправо как раз в тот момент, когда вилы вонзаются в стену. Она наконец начинает визжать, и этот звук меня мобилизует. Я отвожу руку и резким движением швыряю атам. Он летит по воздуху и втыкается фермеру прямо в брюхо. С мгновение он смотрит в мою сторону, на меня и сквозь меня, глаза у него как холодные омуты. На сей раз я ничего не чувствую. Не гадаю, куда нож отправляет его. Не прикидываю, чувствует ли обеат его по-прежнему. Когда жирдяй идет рябью и растворяется словно жаркое марево, я просто рад, что он прекратил существовать. Он едва не прикончил моих друзей. Сволочь.

Атам падает на землю с негромким стуком, и я подбегаю забрать его, прежде чем подойти к Кармель, которая все еще визжит.

— Кармель! Ты ранена? Он достал тебя? — спрашивает Томас.

Он осматривает ее, пока она в панике мотает головой. Вилы прошли впритык. Так близко, что один из зубцов проткнул плечо ее пальто и пригвоздил ее к стене. Протягиваю руку и выдергиваю вилы. Она отпрыгивает и принимается отряхивать пальто, словно оно запачкалось. Она в равной степени напугана и взбешена, и когда она орет «Ты, урод придурочный!» — мне невольно кажется, что орет она на меня.

Атам покоится в своем горшке с солью, утопленный в белых кристаллах по самую рукоять. Луч утреннего солнца падает в окно, попадает на гладкий бок горшка и отражается во все стороны ярким золотом, почти гало^[3]. Мы с отцом, бывало, сидели и глядели на этот нож, засунутый в тот же самый горшок, очищаемый лунным светом. Он называл атам Экскалибуром. Я не называл никак.

За спиной у меня мама жарит яичницу. Набор свеженьких заговоренных свечей сложен на разделочном столе. Они трех разных цветов, каждый со своим запахом. Зеленые — для процветания, красные — для страсти, белые — для очищения. Рядом с ними сложены три стопочки пергаментов с разными заклинаниями, чтобы обернуть их вокруг свечей и перевязать бечевкой.

— С тостами или без? — спрашивает мама.

— С тостами, — отвечаю я. — У нас есть еще ирговый джем?

Она достает его, и я пихаю в тостер четыре куска хлеба. Когда они оказываются готовы, я мажу их маслом и джемом и подаю на стол, где мама уже расставила тарелки с яичницей.

— Сок не достанешь? — просит она и, пока я по пояс засовываюсь в холодильник, добавляет: — Так ты расскажешь мне, как было дело в субботу вечером?

Я выпрямляюсь и наливаю два стакана апельсинового сока:

— Ну, я, можно сказать, сидел на заборе.

Возвращаясь из Гран-Марэ, мы почти всю дорогу молчали. Домой добрались уже в воскресенье утром, и я тут же вырубился, вернувшись в сознание только для того, чтобы посмотреть один из фильмов про Матрицу по кабельному, и тут же вырубился обратно и проспал всю ночь. Лучшего плана уклонения и не придумать.

— Ну, — бодренько щебечет мама, — слезай с забора, и вперед, ты через полчаса должен быть в школе.

Сажусь за стол и ставлю сок. Старательно разглядываю яичницу, она в ответ таращится на меня желтками. Протыкаю их вилкой. Что я должен сказать? Как мне растолковать ей то, чего я сам в толк не возьму? Это был Аннин смех. Звонкий, как колокольчик, безошибочно узнаваемый, льющийся из черной глотки фермера. Но это невозможно. Анна ушла. Только вот я не могу ее отпустить. Поэтому мое сознание начинает нести отсебятину. Вот что говорит мне дневной свет. Именно это скажет мне любой вменяемый человек.

— Облажался я, — сообщаю я тарелке. — Реакция подвела.

— Но ты же его достал?

— Не раньше, чем он вытолкнул Томаса в окно и едва не сделал из Кармель шашлык. — Appetit внезапно пропадает. Даже ирговый джем не соблазняет. — Не нужно им больше со мной ездить. Вообще не надо было их пускать.

Мама вздыхает:

— Вопрос «не пускать» как бы и не стоял, Кас. Мне не кажется, что ты сумел бы их остановить. — В голосе ее гора нежности и ни капли объективности. Она переживает за них. Разумеется, переживает. Но еще она страшно рада, что я больше не один.

— Их захватила новизна, — говорю я. Откуда ни возьмись на поверхность поднимается гнев, стискиваю зубы, чтоб не выпустить его. — Но это реально, и это может их убить, и когда до них дойдет, как думаешь, что случится?

Мамино лицо спокойно, лишь слегка нахмуренные брови выдают эмоции. Она подцепляет вилкой кусок яичницы и молча жует. Затем говорит:

— По-моему, ты их недооцениваешь.

Может, и так. Но я не стал бы их винить, пусть они науток после того, что случилось в субботу. Я не стал бы их винить, убеги они после убийства Майка, Уилла и Чейза. Иногда я жалею, что они этого не сделали.

— Мне в школу пора, — говорю я и отодвигаю стул от стола, оставляя еду нетронутой.

Атам очищен и готов покинуть соль, но я прохожу мимо него. Кажется, впервые в жизни я его не хочу.

Свернув за угол к своему шкафчику, я первым делом вижу зевающего Томаса. Он подпирает мой шкафчик, под мышкой у него книги, а серая футболка едва не расползается от ветхости. Волосы торчат в самых противоположных направлениях. Это вызывает у меня улыбку. Столько мощи заключено в теле, которое, судя по виду, самозародилось в корзине с грязным бельем. Он видит, что я подхожу, и машет, а лицо расплывается в широкой открытой улыбке. Затем он снова зевает.

— Извини, — говорит он. — Никак не приду в себя после субботы.

— Эпичная была вечеринка, да, Томас? — змеится за спиной чей-то язвительный голос.

Оборачиваюсь и вижу группу людей, в большинстве своем незнакомых. Реплику, кажется, отпустила Кристи Как-ее-там или кто другой, без разницы, вот только улыбка Томаса исчезла и на ряды шкафчиков он поглядывает так, словно мечтает с ними слиться.

Бросаю на Кристи небрежный взгляд:

— Поговори еще в таком духе, и я сделаю так, что тебя убьют.

Она моргает, пытаюсь решить, шучу я или всерьез. Ухмыляюсь. Эти слухи просто смешны. Тусовка молча проходит дальше.

— Забудь о них. На твоём месте они бы обоссались.

— И то правда, — отзывается он и выпрямляется. — Слушай, мне неловко за субботу. Каким идиотом надо быть, чтобы так высовываться в дверь! Спасибо, что спас мою шкуру.

На мгновение в горле возникает комок, у него вкус благодарности и удивления. Затем я его проглатываю.

— Не благодари меня. Вспомни, кто изначально тебя туда завел. Делов-то было.

— Да уж, — пожимает он плечами.

У нас с Томасом в этом семестре первый урок общий — физика. С его помощью я вытягиваю на пять с минусом. Вся эта ересь про точку опоры и массу на ускорение для меня китайская грамота, но Томас впитывает ее как губка. Видимо, это тоже колдовское: он имеет четкое понимание сил и как они работают. По пути в класс мы проходим мимо Кейт Хект, которая держится подчеркнуто отстраненно. Интересно, она тоже теперь начнет про меня сплетничать? Наверное, я ее даже пойму.

Кармель я до нашего общего пятого урока в классе самоподготовки вижу только краем глаза. Несмотря на роль третьей ноги в нашем странном трио охотников за привидениями, ее статус школьной королевы ничуть не пострадал. Общественное расписание у нее такое же насыщенное, как и прежде. Она заседает и в студенческом совете, и еще в куче каких-то скучных комитетов по сбору денег. Занятно наблюдать, как она совмещает оба мира. Как легко вписывается что в один, что в другой.

Добравшись до класса самоподготовки, я занимаю свое обычное место напротив Кармель. Томас еще не подошел. Сразу замечаю, что она не так отходчива, как он. Она едва

поднимает глаза от книги, когда я сажусь на место:

— Тебе правда пора подстричься.

— Мне нравится, когда длинновато.

— Но, по-моему, волосы лезут тебе в глаза, — говорит она, глядя на меня в упор. —

Мешают тебе как следует видеть.

Затем краткий взгляд вниз, за время которого я решаю, что роль бабочки, пришпиленной на булавку в стеклянной витрине, заслуживает по крайней мере извинений.

— Прости меня за субботу. Я был дурак и отвлекся. Я знаю. Это опасно...

— Прекрати! — рявкает Кармель. — Что тебя гнетет? Ты колебался там, в амбаре. Ты мог покончить со всем этим еще на сеновале. Оно было в футе от тебя и пузо выставило как на блюдечке.

Я сглатываю. Еще бы она не заметила. Кармель никогда ничего не упускает. Рот у меня открывается, но не издает ни звука. Она протягивает ладонь и касается моей руки.

— В ноже больше нет зла, — мягко говорит она. — Так сказал Морвран. И твой друг Гидеон сказал так же. Если ты все еще сомневаешься, может, тебе стоит взять паузу? А то кто-нибудь пострадает.

Томас проскальзывает на скамью рядом с Кармель и по очереди смотрит на нас.

— Что за тема? — спрашивает он. — У вас, ребята, такой вид, словно кто-то умер.

Боже, Томас, это очень рискованное выражение.

— Ничего такого, — говорю. — Просто Кармель озабочена тем, что я колебался в субботу.

— Что?

— Он колебался, — отвечает Кармель. — Он мог убить его еще на сеновале. — Она умолкает, пока мимо проходят двое парней. — Но не стал, а я в итоге оказалась не на том конце вил.

— Но с нами же все в порядке, — улыбается Томас. — Дело сделано.

— Он еще не преодолел это, — говорит Кармель. — Он сомневается, не осталось ли в ноже зла.

Все эти разговоры обо мне в третьем лице, словно меня тут нет, действуют мне на нервы. С минуту они препираются, Томас робко меня защищает, а Кармель утверждает, что я нуждаюсь минимум в шести сеансах паранормальной психотерапии, прежде чем вернуться к работе.

— Народ, как насчет остаться ненадолго после уроков за плохое поведение? — внезапно спрашиваю я. Дергаю головой в сторону двери и встаю, оба встают следом.

Дежурный по классу выкрикивает какой-то вопрос, типа куда это мы собрались или что это мы делаем, но мы не останавливаемся. Кармель только громко произносит «Ой, шпоры забыла!», когда мы выходим за дверь.

Припарковались на площадке для отдыха на 61-м шоссе, сидим в серебристой «Ауди» Кармель. Я сзади, а они оба развернулись на своих сиденьях, чтобы видеть меня. Они ждут, ждут терпеливо, и от этого еще хуже. Мне бы не помешало, если б меня немного подтолкнули.

— Ты права насчет моих колебаний, — говорю я наконец. — И насчет того, что у меня еще остаются вопросы по поводу ножа. Но в субботу дело было не в этом. Вопросы не мешают мне делать мою работу.

— Так что же это было? — спрашивает Кармель.

Что это было. Даже не знаю. В тот миг, когда я услышал ее смех, Анна встала перед моим внутренним взором как живая, и я увидел все, чем она когда-либо была: умная бледная девочка в белом, облаченная в кровь богиня с черными венами. Казалось, до нее можно дотронуться. Но теперь адреналин схлынул и кругом белый день. Может, ничего и не было. Просто галлюцинации с тоски. Но я притащил сюда Томаса с Кармель именно для того, чтобы все рассказать им, поэтому пора этим заняться.

— Если я скажу вам, что не в силах отпустить Анну, — говорю я, глядя на черные напольные коврики «Ауди», — что мне надо знать, что она обрела покой, поймете ли вы меня?

— Да, абсолютно, — говорит Томас.

Кармель отводит взгляд.

— Я не готов сдать, Кармель.

Она запрокидывает золотистый локон за ухо и виновато смотрит вниз:

— Я знаю. Но ты ищешь ответы уже несколько месяцев. Все мы ищем.

— И что? Ты от этого устала? — горько улыбаюсь я.

— Конечно нет, — рявкает она. — Анна мне нравилась. А даже если бы не нравилась — она спасла нам жизнь. Но то, что она сделала, пожертвовав собой, — это было ради тебя, Кас. И она сделала это для того, чтобы ты жил. А не для того, чтобы бродил тут полумертвый, цепляясь за нее.

Возразить мне было нечего. Эти слова быстро и с размаху опустили меня на землю. Незнание, что случилось с Анной, за последние месяцы едва не свело меня с ума. Я успел вообразить все доступные фантазии версии ада, наихудшие варианты ее участи. Легко было бы сказать, что именно поэтому мне так трудно ее отпустить. И это было бы правдой. Но не всей. Дело в том, что Анна ушла. Она была мертва, когда я встретил ее, и я собирался уложить ее обратно в землю, но не хотел, чтобы она уходила. Возможно, способ ее ухода предполагал некое завершение всего. Она мертвее мертвого, и мне следовало бы радоваться. Но я в таком раздвиге, что глазки в кучку. У меня нет ощущения, что она ушла. Ощущение такое, что ее у меня забрали.

Минуту спустя я трясую головой и изо рта у меня сыплются спокойные и практичные слова:

— Я знаю. Слушайте, может быть, нам стоит просто на некоторое время остудить пыл? В смысле ты права. Это небезопасно, и я ужасно сожалею о том, что случилось в субботу. Честно.

Они говорят мне не переживать по этому поводу. Томас замечает, что это была ерунда, а Кармель отпускает шутку про загарпуненную щуку. Они реагируют так, как положено лучшим друзьям, и совершенно неожиданно я чувствую себя полной скотиной. Надо привести голову в порядок. Надо привыкнуть к тому факту, что я никогда больше не увижу Анну, прежде чем кто-нибудь по-настоящему пострадает.

Ох уж этот смех! В сотый раз он прокручивается у меня в голове. Это был ее голос; Аннин голос, но звучал он безумно и пронзительно. Почти отчаянно. А может, это просто потому, что я слышал его исходящим из пасти мертвеца. А может, вообще на самом деле не слышал...

Резкий треск заставляет меня моргнуть и опустить взгляд. Одна из маминых белых свечей «на ясность» валяется разломанная пополам у моих ног, уткнувшись в большой палец. Я паковал их в коробку, чтобы отвезти к Морврону в магазин.

— В чем дело, сын мой? — Эта ее полуулыбка и вскинутая бровь. — Что отвлекло тебя настолько, что ты ломаешь наши средства к существованию?

Нагибаюсь и поднимаю половинки свечи, неловко совмещая обломанные концы, словно они сейчас волшебным образом срастутся. Почему магия так не работает?

— Прости, — говорю.

Она встает из-за стола, где привязывала бирки, забирает у меня свечу и нюхает ее:

— Нормально. Эту мы просто оставим себе. Они ведь одинаково работают, что целые, что нет. — Она проходит к окну и кладет свечку на подоконник над раковиной. — А теперь ответь мне на вопрос, детеныш. В чем дело? Школа? Или то твое свидание прошло лучше, чем ты притворяешься? — Вроде и поддразнивает, но лицо светится надеждой.

— Обломись, мам.

Было бы довольно легко сказать, что все из-за школы. Или что я замечтался. Наверное, так и следовало поступить. Мама тут счастлива. Когда выяснилось, что убийца моего отца обретался на чердаке дома и сожрал ее кота, я думал, она заставит нас переехать. Или сожжет дом дотла. Но она не стала. Вместо этого она обжилась тут и сделала это место нашим в большей степени, чем любое из съемных жилищ, где мы кантовались с тех пор, как погиб папа. Все выглядело так, словно она этого почти ждала.

Полагаю, мы оба ждали чего-то такого. Потому что теперь все кончилось. Закрыто.

— Кас? Ты хорошо себя чувствуешь? Что-то случилось?

Выдаю ей лучшую из своих ободряющих улыбок:

— Ерунда. Просто похмелье.

Она хмыкает и вынимает из ящика коробок спичек:

— Может, тебе стоит зажечь эту свечку для ясности? Избавиться от паутины.

— Точно, — хихикаю я и беру спичку. — Заклинание сначала произнести не нужно?

Она машет рукой:

— Слова не всегда обязательны. Просто нужно знать, чего хочешь.

Она тычет меня в грудь, и я зажигаю спичку.

— Ты отвратительно играешь, — говорит мне Томас с другого конца дивана.

— Ну и что, это же просто пакман^[4], — отвечаю я, а тем временем мой последний чувак врзается в привидение и погибает.

— Если ты собираешься и дальше так к этому относиться, тебе никогда не побить мой рекорд.

Фыркаю. Мне по-любому никогда его не побить. У этого парня до жути четкая координация между глазами и руками. В стрелялках от первого лица я еще держусь, но в старых аркадных играх он стабильно меня делает. Он берется за джойстик, и начинает играть

музыка. Я наблюдаю, как пакман лопает вишенки и точки и отправляет призраков обратно в стартовую комнату.

— Ты запомнил ходы.

— Возможно. — Он улыбается, но тут жужжит телефон, и он нажимает на паузу.

Мобильник для Томаса в новинку. Это подарок Кармель, на который она теперь шлет ему эсэмэски в попытках вытащить нас на встречу в торговый центр. Но я не готов принести такую жертву. Разве что ради синнабоновских булочек с корицей.

Томас вздыхает:

— Хочешь пересечься с Кармель и Кэти в Синнабоне?

Набираю побольше воздуха. Он зашел выдать мне найденную им книжку про различные гипотезы касательно жизни после смерти. Она лежит рядом с икс-боксом, нераскрытая. Я устал читать и придумывать новые вопросы без ответов. Устал разыскивать старых товарищей отца и получать лишь наиболее вероятные предположения. Мои поиски зашли в тупик, и как бы я ни винил себя за подобные мысли, это правда.

— Поехали, — говорю я.

В торговом центре ярко и пахнет лосьоном. Должно быть, он продается во всех магазинчиках, мимо которых мы идем. Кармель встретила нас у входа, одна. Кэти слилась, как только узнала, что мы на подходе.

— Тебя не задевает, что я настолько не нравлюсь твоей лучшей подруге? — спрашивает Томас с набитым ртом, так что мы едва разбираем слова.

— Ты ей не нравишься. Просто ты ни разу не воспользовался шансом узнать ее получше. При вас обоих она чувствует себя нежеланным гостем.

— Неправда, — возражает Томас.

— До некоторой степени верно, — бормочу я практически одновременно с ним.

Так и есть. Когда Кармель общается со мной и с друзьями — все нормально. Я умею тусоваться, если надо. Но когда мы собираемся втроем, с Томасом, возникает ощущение закрытого клуба. Мне это, в принципе, нравится, и я даже не чувствую себя виноватым. Нам втроем безопасно.

— Видишь? — говорит Кармель.

Она замедляет шаг, чтобы я мог догнать и идти рядом. Томас говорит что-то еще насчет Кэти, всплывает имя «Нат», но я не особенно прислушиваюсь. Дела этих парочек меня не касаются. Притормаживаю и возвращаюсь на свое обычное место, чуть позади. В торговом центре слишком людно, чтобы идти троим в ряд, не натыкаясь при этом на людей и не лавируя между ними.

Несколько голосов разом выкликают имя Кармель, я отрываюсь от своей булочки с корицей и вижу размахивающих руками Аманду Шнайдер, Хейди Трико и другую Кэти — Как-ее-там. Рядом с ними Дерек Пиммс и Нэт Бергстром; Томас назвал бы этих парней новой волной Троянской Армии. Я почти слышу, как он об этом думает, слышу, как он скрипит зубами, когда мы подходим к ним.

— Привет, Кармель, — говорит Хейди. — Что делаешь?

Кармель пожимает плечами:

— Синнабон. И гуляем. Намеки вот разбрасываю про подарки на день рождения, но некоторые настолько тупы, что не улавливают. — Она нежно толкает Томаса локтем в бок.

Лучше б она так не делала. По крайней мере, не в этой компании, потому что Томас от этого краснеет как рак, вызывая на лицах Дерека и Нэта мудацкие улыбочки. Другие девочки

просто смотрят сначала на него, потом на меня — и улыбаются, не разжимая губ. Томас переминается с ноги на ногу. Он ни за что не посмотрит Дереку или Нэту в глаза, так что я компенсирую это, переглядев их. Чувствую себя идиотом, но что поделаешь. Кармель просто болтает и смеется, расслабленно и якобы не замечая всего происходящего.

И тут что-то шевелится. Атам. Он надежно зафиксирован — спрятан в ножны и пристегнут двумя ремнями к лодыжке. Но я только что почувствовал его движение — он так порой делает, когда я на охоте. И это не мелкое подрагивание — однозначная попытка освободиться.

Чувствуя себя спятившим более чем наполовину, резко оборачиваюсь в ту сторону, куда он дернулся. Никаких покойников в торговом центре нет. Здесь слишкомлюдно, слишком ярко, слишком лосьонно. Но нож не лжет, поэтому я обшариваю взглядом лица прохожих — пустые по пути в «Эмерикен Игл»^[5], смеющиеся, улыбающиеся друзьям. Все несомненно живые, пусть и в разной степени. Снова разворачиваюсь, и нож дергается.

— Что? — бормочу и гляжу вперед, на витрину магазина на противоположной стороне коридора.

Это Аннино платье.

Старательно моргаю, дважды. Но это ее платье. Белое и простое. Красивое. Я направляюсь к нему, и торговый центр замолкает. Что я вижу? Не просто платье, похожее на ее. Это *то самое* платье. Я понимаю это еще до того, как нога манекена делает шаг с подставки.

Пластиковые ноги делают ее походку неровной. Волосы свисают по плечам, безжизненные и тусклые, как синтетический парик. В лицо ей я не смотрю. Даже когда мои пальцы касаются стекла витрины, а ее манекенские ноги сгибаются в коленях, шурша белой тканью.

— Кас!

Я вздрагиваю, шум торгового центра бьет по ушам словно захлопнутая с грохотом дверь. По бокам от меня — Томас и Кармель с озабоченными лицами. В голове туман, будто я только что проснулся. Моргая, гляжу на стекло — манекен стоит где всегда стоял, в стандартной позе и одетый в белое платье, даже отдаленно не напоминающее Аннино.

Оглядываюсь на Аманду, Дереку и остальных. В данный момент вид у них такой же контуженый, как у Томаса с Кармель. Но завтра они уже будут истерически ржать, рассказывая об этом всем, кого знают. Неловко убираю руки от стекла. После того что ребята только что видели, я не могу их винить.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Кармель. — Что случилось?

— Ничего, — говорю. — Мне показалось, будто я кое-что увидел, но это ерунда.

Она опускает глаза и тайком оглядывается:

— Ты кричал.

Смотрю на Томаса, тот кивает.

— Полагаю, я слегка переборщил. Акустика тут ни к черту — сам себя не слышишь.

Я вижу, как они переглядываются, и не пытаюсь их ни в чем убедить. Да и как? Они видят белое платье в витрине и знают, что это значит. Они знают, что именно мне показалось.

На следующий день после эпохального нервного срыва в торговом центре я провожу свободный урок на воздухе, в углу школьного двора — сижу под деревом и по мобильнику разговариваю с Гидеоном. Другие школьники тоже высypали наружу и оккупировали солнечные участки двора, развалившись на молоденькой весенней травке, положив головы на рюкзаки или колени подружек. Время от времени они поглядывают в мою сторону, что-то говорят, и все смеются. До меня доходит, что раньше у меня лучше получалось вливаться в коллектив. Наверное, не стоит оставаться здесь на следующий год.

— Тезей, все в порядке? У тебя какой-то отстраненный голос.

Смеюсь:

— Ты прямо как моя мама.

— Пардон?

— Извини.

Дурацкие колебания. Я ведь именно из-за этого ему и позвонил. Я хотел поговорить об этом. Мне нужно услышать, что Анна ушла навсегда. Что она не может вернуться. И мне надо услышать это, произнесенное авторитетным британским тоном.

— Тебе доводилось слышать, чтобы кто-нибудь возвращался... ну, после перехода? — говорю я наконец.

Гидеон выдерживает приличествующую случаю задумчивую паузу.

— Никогда, — говорит он. — Это просто невозможно. По крайней мере, в пределах разумной вероятности.

Прищуриваюсь. С каких это пор мы живем в пределах разумной вероятности?

— Но если я отправляю их с одного плана на другой при помощи атам, разве не может существовать какая-то иная штука, способная вытащить их обратно? — На сей раз пауза длиннее, но на самом деле он не воспринимает ситуацию всерьез. Если б воспринимал, уже бы слышался скрип лестницы и шелест переворачиваемых страниц. — В смысле ну это не такая уж дикая мысль. С А на Б, с Б на, скажем, Г, но...

— Боюсь, это скорее с А на Б на Пи. — Он набирает воздуха. — Тезей, я знаю, о ком ты думаешь, но такой возможности просто нет. Мы не можем ее вернуть.

Крепко зажмуриваюсь:

— А если я скажу, что она уже вернулась?

— Что ты имеешь в виду? — В голосе явственно слышится осторожность.

Надеюсь, смех его успокоит, и изгибаю губы в улыбке:

— Не знаю, что я имею в виду. Я не для того звонил, чтоб пугать тебя до ужаса. Я просто... просто, наверное, я много о ней думаю.

Он вздыхает:

— Я знаю, ты должен попытаться. Она была... она была необычайная. Но теперь она там, где ей надлежит находиться. Послушай меня, Тезей, — говорит он, и я почти чувствую его иссохшие пальцы у себя на плечах. — Тебе надо это отпустить.

— Знаю.

И я правда знаю. Часть меня хочет рассказать ему о том, как двигался атам, о том, что я, по-моему, видел и слышал. Но он прав, и это просто бред сумасшедшего.

— Слушай, не волнуйся за меня, ладно? — говорю я и поднимаюсь. — Черт, — бормочу,

ощупывая мокрые джинсы.

— Что? — озабоченно переспрашивает Гидеон.

— А, ничего. Просто у меня на заднице здоровенное мокрое пятно — под деревом сидел. Клянусь, земля здесь вообще никогда не просыхает.

Он смеется, и мы нажимаем отбой.

По пути обратно в школу меня ловит за рукав Дэн Хилл.

— Привет, — говорит он. — У тебя вчерашний конспект по истории есть? Не одолжишь на время самоподготовки?

— Ну ладно, — отвечаю с некоторым удивлением.

— Спасибо, чувак. Понимаешь, обычно я у кого-нибудь из девчонок стреляю, — сверкает улыбка повесы, — но сейчас едва тяну на тройку, а ты последнюю контрольную лучше всех написал, да?

— Ну да, — киваю я. Я действительно набрал максимальный балл. К моему крайнему удивлению и вящей радости мамы.

— Круто. Слышь, говорят, ты вчера вечером в торговом центре был то ли под кислотой, то ли еще под чем.

— Я увидел платье, которое хотела Кармель, и показал его Томасу Сабину. — Пожимаю плечами. — В школе из этого черт-те что нагородили.

— Ну да, — говорит он, — я так и подумал. До встречи, чувак.

И он уходит в другую сторону. По-моему, Дэн классный. Если повезет, он разнесет мое алиби по всей школе. Хотя вряд ли. Опровержения печатают на последней странице газеты. Скучная история всегда проигрывает, даже если она правдивая. Так уж все устроено.

— Как можно не любить пиццу с курицей и обжаренным чесноком?! — восклицает Кармель с телефоном в руке. Она готова сделать заказ. — Серьезно? Только грибы и побольше сыра?

— И помидоров, — добавляет Томас.

— Просто обычные порезанные помидоры? — Она недоверчиво смотрит на меня. — Это противоестественно.

— Поддерживаю, — откликаюсь я из холодильника, где нагребая газировку.

Мы отвисаем у меня дома, качая фильмы с «Нетфликса»^[6]. Идея принадлежала Кармель, а я решил поверить, что она хочет расслабиться, а не убрать меня с глаз людских.

— Может, он пытается вести себя по-джентльменски, Кармель, — говорит мама, проходя через кухню, чтобы налить себе еще чашку чая со льдом. — Воздерживается от чеснока ради тебя.

— Фу, — комментирую я, а Томас ржет.

На сей раз краснеет Кармель.

Мама улыбается:

— Если закажете по одной каждого вида, я поделюсь томатной с Томасом и с тобой, а Кас может поделиться с остальными.

— Ладно. Но вы ведь захотите с курицей, когда привезут.

Кармель делает заказ, и мы втроем направляемся в гостиную смотреть повторы «Клиники»^[7], пока не привозят пиццу, тогда запускаем фильм. Мы едва успеваем сесть, как Кармель опять вскакивает, стремительно набирая сообщение на телефоне.

— Что такое? — спрашивает Томас.

— Да типа вечеринка в честь подготовки к годовым экзаменам, — отвечает она и

направляется к выходу. — Я сказала Нат и Аманде, что загляну, если фильм не слишком поздно кончится. Скоро вернусь.

Дверь закрывается, и я тыкаю Томаса в бок:

— Тебя что, не волнует, когда она вот так сваливает?

— Ты о чем?

— Ну-у, — начинаю я, но не придумываю, что сказать дальше.

Наверное, дело просто в том, что если меня Кармель иногда пытается свести с прочими своими друзьями, то с Томасом она этого не делает. Мне кажется, это должно его задевать, но я не знаю, как тактично спросить об этом. И к каким таким, черт подери, экзаменам ей еще надо готовиться? Я все свои уже сдал, кроме одного. Учителя здесь реально любят накручивать в последние несколько недель. Не то чтоб я жаловался, но...

— Но ты же ее бойфренд! — выпаливаю я наконец. — Разве она не должна таскать тебя с собой на все тусовки?

Не самая удачная формулировка, но он, похоже, не обиделся и даже не удивился. Просто улыбается.

— Понятия не имею, кто мы друг другу, — негромко произносит он. — Но точно знаю, что у нас все по-другому. Мы разные.

— Разные, — бормочу я, хотя мечтательность на его физиономии даже трогательна. — Все, понимаешь, разные. Тебе не приходило в голову, что «мы так похожи» не зря считается классикой?

— Годный ответ для того, чья последняя девушка скончалась в 1958 году, — парирует Томас и прячется за глотком газировки. Ухмыляюсь и поворачиваюсь обратно к телевизору.

У окна Анна. Она стоит в кустах сразу за домом и глядит на меня.

— Иисусе!

Переваливаю через спинку дивана и морщусь, врезавшись плечом в стену.

— Что?

Томас тоже вскакивает, смотрит сначала на пол, словно там может быть крыса или еще что, но потом прослеживает мой остановившийся взгляд и тоже смотрит в окно.

Глаза у Анны пустые и мертвые, абсолютно безучастные, без малейших следов узнавания. Смотреть, как она моргает, — все равно что смотреть, как рассекает маслянистую солоноватую воду аллигатор. Пока я пытаюсь справиться с дыханием, из носа у нее червяком выползает темная струйка крови.

— Кас, что такое? Что стряслось?

Оглядываюсь на Томаса:

— Хочешь сказать, ты ее не видишь?

Снова перевожу взгляд на окно, наполовину ожидая, что ее там не будет, наполовину *надеясь*, что она исчезла, но она по-прежнему там, стоит неподвижно.

Томас тщательно осматривает окно, двигая головой в поисках отражений света. Вид у него перепуганный. Что-то не сходится. Он должен был ее увидеть. Он же гребаный колдун, черт подери.

Я больше не могу это выносить. Вылезаю из-за дивана и направляюсь к входной двери, распахиваю ее настежь и вываливаю на крыльцо.

И вижу только удивленное лицо Кармель, не успевшей донести телефон до уха. В кусах под окном ничего нет, только тени.

— Что случилось? — спрашивает Кармель, когда я бросаюсь вниз по ступенькам и

пробиваюсь сквозь заросли, царапая руки о ветки.

— Дай мне свой телефон!

— Что? — голос у Кармель испуганный.

Мама уже тоже вышла, и все трое напуганы непонятно чем.

— Просто брось его сюда! — ору я, и она слушается.

Нажимаю кнопку и направляю аппарат на землю, включив голубоватый фонарик, чтобы не пропустить никаких следов или смещенных травинок. Ничего.

— Что? Что такое? — пищит Томас.

— Ничего, — громко говорю я, но это не ничего. Может, оно все исключительно у меня в голове, но это не ничего. И когда я нащупываю в кармане атам, тот холоден как лед.

Десять минут спустя мама ставит передо мной исходящую паром кружку. Беру и нюхаю.

— Это не зелье, просто чай, — раздражается она. — Без кофеина.

— Спасибо. — Отпиваю. Ни кофеина, ни сахара.

Не понимаю, почему горькая коричневая вода считается успокаивающей. Но честно играю свою роль — вздыхаю и как бы оседаю на стуле.

Томас с Кармель продолжают этак воровато переглядываться, и мама это замечает.

— Что? — спрашивает она. — Что вам известно?

Кармель взглядом спрашивает у меня разрешения, я молчу, и она рассказывает маме о происшествии в торговом центре, с тем платьем, похожим на Аннино.

— Честно, Кас, после Гран-Марэ ты всю неделю ведешь себя странновато.

Мама опирается на кухонный стол:

— Кас, что происходит? И почему ты не рассказал мне про торговый центр?

— Потому что мне нравится держать свою придурь при себе. — Отвлекающий маневр явно не сработал. Мама ждет и смотрит. — Ну, просто... мне показалось, что я увидел Анну, вот и все. — Отпиваю еще глоток чая. — А в Гран-Марэ, на сеновале... мне послышался ее смех. — Мотаю головой. — Такое ощущение... не знаю какое. Наверное, похоже на одержимость.

Поверх края кружки ясно вижу распространяющееся по кухне предположение. Они думают, у меня галлюцинации. Жалеют меня. «Бедный Кас» — надпись на их лицах составлена из таких больших букв, что свисает со щек словно десятифунтовые гири.

— Атам тоже ее видит, — добавляю я, и это привлекает их внимание.

— Наверное, утром нам стоит позвонить Гидеону, — предлагает мама. Киваю. Он наверняка по думает то же самое. Однако лучшего специалиста по атам у меня нет.

За столом повисает тишина. Они настроены скептически, и я их не виню. В конце концов, именно этого я и хотел, с тех пор как Анны не стало.

Сколько раз я воображал, как она сидит рядом со мной. Голос ее миллион раз перекатывался у меня в голове в убогих попытках нагнать пропущенные нами разговоры. Иногда я притворялся, что мы нашли иной способ победить обеата, такой, при котором все не пошло бы кувырком.

— Думаешь, это возможно? — спрашивает Томас. — В смысле это вообще возможно?

— Сущности не пересекают границу миров, — отвечаю я. — Гидеон говорит, не пересекают. Не могут. Но ощущение такое... словно она взывает ко мне. Просто у меня не получается расслышать, чего она хочет.

— Все так перепуталось, — шепчет Кармель. — Что ты собираешься делать? — Она смотрит на меня, затем на Томаса и маму. — Что мы собираемся делать?

— Я должен выяснить, насколько это реально, — говорю я. — Или я официальный псих. И если это реально, то мне надо выяснить, чего она хочет. Что ей нужно. Мы все перед ней в долгу.

— Не предпринимай пока ничего, — говорит мама. — Пока не поговорим с Гидеоном. Пока у нас не будет больше времени во всем разобраться. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — говорит Кармель.

Смотрю на Томаса.

— Не знаю, как к этому относиться. — Он пожимает плечами. — В смысле Анна была нашим другом, ну как бы. Мне не верится, что она хочет навредить нам или даже просто напугать. Что меня беспокоит, так это атам. Что он реагирует. Наверное, с Морвраном тоже надо поговорить.

Все смотрят на меня.

— Ладно, — говорю я. — Ладно, подождем.

Но не слишком долго.

Ночью спалось паршиво. Сажу у Томаса за кухонным столом вместе с Кармель и наблюдаю, как Томас с Морвраном готовят завтрак. Еще не до конца проснувшись, они слаженно занимаются привычными домашними делами, шаркая по кухне между столом и плитой. Морвран ужасно смешной в клетчатом фланелевом халате. В жизни не догадаешься, что под этим халатом один из сильнейших вудуистов Северной Америки. В этом отношении он напоминает своего внука.

Мясо скворчит на горячей сковородке. У Морврана есть привычка жарить на завтрак болонскую колбасу колечками. Странновато, но на самом деле здорово. У меня в это утро аппетита нет, но Томас плюхает передо мной тарелку с горкой колбасы с омлетом, поэтому я нарезаю ее кусочками и гоняю по тарелке, будто бы ем. Кармель через стол от меня занимается ровно тем же самым.

Наполнив собственную тарелку, Морвран кладет кусочек колбасы в Стеллину миску. Черная лабрадориха влетает в кухню с таким видом, словно сто лет не ела. Морвран похлопывает ее по толстой корме и облакачивается на кухонный стол, наблюдая за нами из-под очков.

— Рановато для сходки юных охотников за привидениями, — говорит он. — Должно быть, положение отчаянное.

— Ничего не *отчаянное*, — бормочет Томас.

Морвран фыркает с полным ртом омлета.

— Вы же не просто заглянули на сосиски с утра пораньше, — говорит он.

Еще одна фишка — он называет болонскую колбасу сосиской.

— Апельсиновый сок восхитителен, — улыбается Кармель.

— Я покупаю без мякоти. А теперь выкладывайте. Мне еще в магазин надо. — Говоря это, он смотрит прямо на меня.

Я заранее выстроил в голове всю линию вопросов-ответов. Но вместо этого выпаливаю:

— Нам надо выяснить, что случилось с Анной.

Я, наверное, уже в десятый раз ему это говорю, ему уже тошно слушать, как я это произношу. Но надо выдержать. Нам нужна его помощь, а он не предлагал подсобить нам с той самой ночи, когда мы сражались с обеатом. Морвран тогда накладывал контрзаклинания, чтобы я не умер после проклятия обеата, и помогал Томасу ставить защитные заклятья в Аннином доме.

— Как тебе колбаса? — спрашивает он.

— Прекрасно. Но я не голоден. И я не перестану спрашивать.

Взгляд его перемещается на мой рюкзак. Я никогда не достаю атам при Морвране. Он так на него смотрит, что я понимаю: это нежелательно.

Томас откашливается:

— Расскажи им о Мари Лапонте.

— Кто такая Мари Лапонте? — спрашиваю я, пока Морвран сердито смотрит на Томаса — тому явно потом влетит.

— Она... — Под взглядом деда Томас колеблется, но на сей раз я побеждаю. — Это вудуистка с Ямайки. Морвран разговаривал с ней о... о твоей ситуации.

— О чем именно?

— В основном об обеате. О том, что он был пожирателем плоти, что мог поглощать силу и сущность даже после смерти. В смысле поедание плоти само по себе редкость. То, чем стал мертвый обеат, сожрав твоего отца, привязав себя к атому, кормясь с его помощью — это делает его уникальным, вроде чертова единорога.

— Томас, — рывкает Морвран, — закрой варежку! — Мотает головой и бормочет: «Нашел единорога!» — Этот призрак просто взял древнее искусство и вывернул его, превратив в нечто противоестественное.

— Я не собирался... — начинает Томас, но я перебиваю его.

— Что сказала ваша приятельница? — спрашиваю я. — Мари Лапонтте? Вы спрашивали ее об Анне?

— Нет, — говорит он. — Я спрашивал ее про обеата. Меня интересовало, разорвалась ли связь между обеатом и ножом и можно ли ее разорвать.

Мы это уже обсуждали, но все равно волосы у меня на загривке встают дыбом.

— Что она сказала?

— Сказала, что можно. Что связь разорвана. Будет разорвана.

— Будет? — громко переспрашивает Кармель, ее вилка со звоном задевает тарелку. — Какого черта это значит?

Морвран пожимает плечами и скармливает Стелле кусочек колбасы со своей вилки, когда собака трогает его лапой за колено.

— А еще что-нибудь она сказала? — спрашиваю я.

— Ну да, — отзывается он. — Сказала то, что я пытаюсь донести до тебя уже несколько месяцев. Перестань совать нос куда не следует. Пока не обзавелся врагом, который тебе этот нос отрежет.

— Она угрожала мне?

— Это была не угроза. Это был совет. В мире есть такие тайны, парень, за сохранение которых люди готовы убивать.

— Какие люди?

Он отворачивается, ополаскивает пустую тарелку в раковине и сует ее в посудомойку.

— Неверный вопрос. Тебе следовало спросить, какие тайны. Какая сила.

Мы за столом делаем измученные лица, а Томас изображает вопль и движение, символизирующее, как мне кажется, вытрясание души из Морврана. Вечно его дед со своей загадочностью. Вечно у него ребусы. Нас это бесит.

— С атомом что-то творится, — говорю я в на дежде, что от частого повторения простых вещей ситуация начнет проясняться. — Я не знаю что именно. Я вижу Анну и слышу ее. Может, атам потому ее и выискивает, что я ее ищу. Или потому, что она ищет меня. Может, дело в нас обоих.

— А может, и больше того, — говорит Морвран, поворачиваясь обратно.

Он вытирает руки посудным полотенцем и таращится на меня так, что я чувствую себя всего лишь скелетом и клинком.

— Эта штука у тебя в кармане больше не отвечает на приказы обеата. Но на чьи она отвечает?

— На мои, — говорю. — Она была сделана, чтобы отвечать мне. Моему роду.

— Возможно, — говорит он. — Или твой род был создан, чтобы отвечать ей? Чем дольше я с тобой разговариваю, тем больше моя голова наполняется ветром. Здесь происходит что-то еще, и я воспринимаю это как грозу. Ты должен чувствовать то же

самое. — Он указывает подбородком на внука. — Ты, ты, Томас! Я не для того растил тебя, чтоб ты ушами хлопал.

Томас выпрямляется и бросает на меня быстрый взгляд, словно я страница, на непрочтении которой его поймали.

— А вы не можете быть не такими зловещими — хотя бы с утра? — подает голос Кармель. — Мне это все не нравится. В смысле что же нам делать?

— Расплавить этот нож до капли и закопать, — говорит Морвран, хлопая ладонью по колену, чтобы черная лабрадориха пошла за ним обратно в спальню. — Но вы же этого ни за что не сделаете. — На выходе из кухни он останавливается и глубоко вздыхает. — Послушай, парень, — говорит он, глядя в пол, — этот обман был самой извращенной голодной тварью, с какими я имел несчастье сталкиваться. Анна утащила его из этого мира. Порой мы достигаем нужного результата. Тебе надо оставить ее в покое.

— Ну что ж, тут облом, — говорит Кармель по дороге в школу. — А Гидеон утром что сказал?

— А он не ответил. Я оставил сообщение.

Кармель за рулем еще некоторое время распространяется насчет того, как ей не нравится все сказанное Морвраном и как у нее от этого мурашки, но я слушаю ее вполуха. Второй половиной я слушаю Томаса, который, по-моему, все еще пытается подключиться к вибрации, снятой Морвраном с атама. Судя по его лицу, он уже почти задохнулся, а значит, ему не особенно везет.

— Давайте просто переживем этот день, — говорит Кармель. — Очередной день несущегося к концу учебного года, а там уже со всем разберемся. Может, на выходных нам попадется другое привидение. — Она мотает головой. — А может, нам следует вообще все отложить на некоторое время. По крайней мере, пока не получим весточку от Гидеона. Черт! Мне ж полагалось придумывать украшения для зала перед заседанием комитета выпускников!

— Так ты же даже не заканчиваешь в этом году.

— Это не значит, что я не в комитете, — фыркает она. — Так. Ну что, именно это мы и сделаем? Отложим все и подождем, пока Гидеон не ответит?

— Или пока Анна снова не постучится в окно, — говорит Томас, и Кармель прожигает его взглядом.

— Ага, — откликаюсь я. — Полагаю, именно так мы и поступим.

Как я сюда попал? Сознательный выбор явно ни при чем. По крайней мере, не похоже. Когда Кармель с Томасом закинули меня после школы домой, я планировал слопать две порции маминых спагетти с тефтелями, а затем завалиться овощем перед телевизором. И что же я делаю в маминой машине, в четырех часах и неизвестно скольких милях по шоссе от дома, таращась на торчащие на фоне темнеющего неба сонные дымовые трубы?

Это что-то из потайных закоулков памяти, нечто такое, о чем говорил мне Ромашка Бристоль всего через месяц после того, как Аннин дом обрушился внутрь себя вместе с хозяйкой. Я тогда слушал вполуха. Я был не в состоянии охотиться, не в состоянии делать что-либо, кроме как нарезать круги по периметру дыры в центре себя и гадать. Постоянно гадать. Я и на телефон-то ответил лишь потому, что это был Ромашка, мой верный «жучок» из Нового Орлеана, и потому что именно он изначально привел меня к Анне.

— Есть одно место в Дулуте, это в Миннесоте. Завод называется «Датские металлоизделия». За последние десять лет там стали время от времени находить останки

бродяг, — говорил Ромашка. — Их обнаруживают пачками, но, по-моему, только потому, что редко туда заглядывают. Надо, чтобы кто-то сообщил о разбитом окне или ораве пьяных подростков, тусующихся на территории, прежде чем кто-то почешется туда сходить. Завод-то закрыт еще с шестидесятых.

Я тогда улыбнулся. Ромашкины наводки в лучшем случае схематичны, построены на шатких и обычно неточных свидетельствах. Когда мы с ним только познакомились, я велел ему собирать побольше фактов. Он посмотрел на меня как ваша собака, когда вы у нее на глазах съедаете последний кусочек чизбургера. Для Ромашки в незнании заключена магия. Нью-орлеанский роман с неупокоенными у него в крови. Полагаю, иначе я бы и не повелся.

Взгляд мой блуждает по заброшенным «Датским металлоизделиям», где нечто убивает бомжей уже минимум десять лет. Завод представляет собой набор приземистых кирпичных зданий с двумя невероятно высокими трубами. Маленькие окна покрыты пылью и копотью и в большинстве своем заколочены. Возможно, придется что-то сломать, чтобы проникнуть внутрь. Атам в пальцах слегка шевелится, и я вылезая из машины.

Обхожу здание, под ногами шелестит давно умершая трава. Глядя вперед, различаю черную, исходящую паром гладь Верхнего. Четыре часа на машине — а это озеро все еще рядом.

Обойдя угол, обнаруживаю распахнутую дверь с выломанным замком. В груди возникает напряжение, и все тело начинает гудеть. Я вовсе не хотел здесь оказаться. Никакого интереса здесь у меня нет. Но теперь, попав сюда, я едва перевожу дух. Не чувствовал себя таким взведенным, таким натянутым-как-струна, с тех пор, как уделал обеата. Пальцы, стискивающие рукоять ножа, покалывает, и возникает странное, знакомое ощущение — оно является частью меня самого, оно вплавлено в мою кожу до костей. Я не выпустил бы атам, даже если бы захотел.

Внутри завода тянет сернистой дрянью, но воздух не спертый. Здесь гнездятся бесчисленные грызуны, они-то его и перемешивают. Но он все равно отдает гнилью. Под слоем пыли в каждом углу таится смерть. Даже в крысином дерьме — ведь они давно питаются тем, что умерло. Но ничего нового я не чую; никакой вонючий мешок мяса не ждет меня за углом, приветственно кивая расползающейся рожей. Как там говорил Ромашка? «Когда копы находят очередную пачку трупов, те оказываются практически мумифицированы. Кости да пепел. Их в основном просто выметают за дверь — и сразу под коврик. Никто особого шума по этому поводу не поднимает».

Разумеется, никакого шума. Так всегда бывает.

Я зашел с черного хода, и мне непонятно, какая часть завода здесь некогда помещалась. Все стоящее давным-давно растащили, а оставшиеся голые остовы машинерии я идентифицировать не берусь. Иду по коридору с атамом наготове. В окна проникает достаточно света, он отражается от предметов, и все прекрасно видно. У каждого дверного проема я притормаживаю, вслушиваясь всем телом, готовый учуять сильный запах тухлятины, нащупать холодные пятна. Каморка по левую руку, должно быть, служила офисом или небольшой комнатой отдыха для работников. В угол задвинут стол. Взгляд мой сосредоточивается на вроде бы крае старого одеяла... пока я не замечаю торчащую из-под него ногу. Жду, но она не шевелится. Это просто труп, давний, одна дряблая кожа. Прохожу мимо и оставляю его за столом. Мне не нужно его видеть.

Коридор выводит в обширное пространство с высоким потолком. В воздухе переплетаются трапы и мостики, среди них тянется нечто, похожее на проржавевшие

конвейерные ленты. На дальнем конце чернеет громада спящей домны. Большую часть ее разобрали или разломали на мелкие куски, но по-прежнему можно понять, что это. Сколько же железа здесь производили! Пол насквозь пропитан потом тысяч рабочих. Память о жаре до сих пор висит в воздухе, бог знает сколько лет спустя.

Чем дальше я захожу, тем более наполненным ощущается ангар. Здесь что-то есть, и его присутствие давит. Крепче стискиваю атам. В любую минуту я ожидаю, что умолкшие десятки лет назад механизмы оживут. Запах горячей человеческой кожи ударяет в ноздри за секунду до того, как я, сбитый с ног, падаю ничком на пыльный пол.

Стремительно перекатываюсь и вскакиваю на ноги, описывая атамом широкую дугу. Рассчитываю, что призрак окажется прямо у меня за спиной, и на миг решаю, что он удрал и мне предстоит очередная игра в «шмяк-крота» или «призрачный дартс». Но я по-прежнему чую его. И чувствую перекатывающиеся по помещению головокружительные волны ярости.

Он стоит на дальнем конце цеха, блокируя мне путь отступления в коридор — как будто я буду пытаться сбежать. Кожа у него черная, как горелая спичка, потрескавшаяся и сочится жаром расплавленного металла, словно он покрыт коркой остывающей лавы. Глаза выделяются яркой белизной. С такого расстояния мне не разглядеть, целиком они белые или у него есть зрачки. Боже, надеюсь, радужки у него имеются. Ненавижу эту фишку с пустыми глазами. Но с радужками или без, а никакого разума в этих глазах не осталось. Долгие годы смерти и горения об этом позаботились.

— Давай, — говорю и вращаю запястьем; атам готов колоть или резать.

Спину и плечи там, где он меня ударил, немного саднит, но я отмахиваюсь от боли. Он подходит ближе, движется медленно. Может, гадает, почему я не убегаяю. А может, просто у него при каждом движении трескается кожа и течет кровь... или как там называется красно-оранжевая дрянь, которая из него сочится.

Миг перед ударом. Набираешь воздуха и растягиваешь мгновение. Я не моргаю. Он достаточно близко, и теперь я вижу, что радужки у него есть, ярко-голубые, и зрачки, сжатые в точки от постоянной боли. Рот у него распахнут, губ почти не осталось, они потрескались и слезли.

Я хочу услышать от нее хотя бы слово.

Он замахивается, и его правый кулак рассекает воздух всего в паре дюймов от моего уха, почти обжигая, и я улавливаю отчетливый запах горелых волос. Моих горелых волос. Ромашка что-то такое говорил о телах... обтянутые кожей кости и пепел. Черт. Призрак просто сжигает их, иссушает и оставляет. Лицо его представляет собой руины ярости; носа нет, носовая впадина зарубцевалась. Щеки местами сухие, как выгоревший уголь, местами мокрые от воспаления. Пячусь, оставаясь вне досягаемости его ударов. Из-за сгоревших губ зубы у него кажутся слишком большими, лицо запеклось в гримасе вечной тошнотворной улыбки. Сколько бездомных спросонок видели это лицо за миг до того, как зажариться изнутри?

Падаю на землю и бью ногами, опрокидывая его, однако в процессе дико обжигая голени. В одном месте джинсы прижариваются к коже. Но привередничать некогда; его пальцы дотягиваются до меня, и я перекатываюсь. Ткань рвется вместе с черт знает каким количеством кожи.

К дьяволу! Он ничего не видел. Кто знает, остался ли у него язык, не говоря уж о том, хочется ли Анне говорить через него. И вообще, о чем я думаю? Я собирался ждать. Я собирался вести себя примерно.

Отвожу локоть назад, готовый вонзить атам ему в ребра, но колеблюсь. Если я ошибусь, нож может буквально сплавиться с моей плотью. Колебание длится доли секунды. Как раз достаточно, чтобы я успел краем глаза уловить трепет чего-то белого.

Этого не может быть. Наверное, это кто-то другой, какой-то иной призрак, умерший на этом богомерзком заводе. Но если это так, то погиб он не в огне. Девушка молча идет по покрытому пылью полу, бледная, как лунный свет. Темные волосы спадают по спине, оттеняя белоснежность платья. Платье я узнал бы по-любому, будь оно нереально белым или соткано целиком из крови. Это она. Это Анна. Ее босые ступни при соприкосновении с бетоном издают еле слышный шорох.

— Анна, — говорю я, неуклюже поднимаясь, — с тобой все в порядке?

Она меня не слышит. Или слышит, но не оборачивается.

Горящий человек снизу хватается меня за ботинок. Я отбрыкиваюсь, игнорируя и его, и запах оплавленной резины. Я схожу с ума? У меня галлюцинации? На самом деле ее здесь нет. И быть не может.

— Анна, это я. Ты меня слышишь?

Я иду к ней, но не слишком быстро. Если потороплюсь, она может исчезнуть. Если потороплюсь, могу увидеть слишком много; потяну за руку, она обернется, и я увижу, что у нее нет лица, что это просто дергающийся труп. Она может стать пеплом у меня в ладонях.

Горящий человек поднимается на ноги с чавкающим звуком. Мне по фигу. Что она здесь делает? Почему не говорит? Она просто продолжает уходить, не обращая внимания ни на что вокруг. Только... почти не обращая. Спящая домна в дальнем конце цеха. Грудь стискивает внезапное предчувствие беды.

— Анна!.. — ору я; горящий человек хватается меня за плечо — словно кто-то только что засунул мне тлеющий уголек под рубашку. Выворачиваюсь и краем глаза вижу, что Анна вроде бы приостанавливается, но я слишком занят — уклоняюсь, и размахиваю ножом, и сбиваю призрака с ног — не разберешь.

Атам горячий. Приходится пару секунд перебрасывать его из одной ладони в другую. А я всего-то сделал крохотный, несмертельный надрез, превращающийся в оранжево-красную щель поперек грудной клетки призрака. Мне следует упокоить его прямо сейчас, воткнуть нож и вынуть его быстро, перед этим, возможно, обернув рукоять краем рубашки. Только я этого не делаю. Я просто временно обездвиживаю горящего человека и поворачиваюсь обратно.

Анна стоит перед домной, ее пальцы легко скользят по грубому черному металлу. Я снова произношу ее имя, но она не оборачивается. Вместо этого она берет за ручку и открывает широкую дверь.

В воздухе происходит некое смещение. Течение, рябь, измерения плывут у меня перед глазами. Отверстие в домне распахивается шире, и Анна заползает туда. Сажа пятнает ее белое платье, оставляя на ткани и на бледной коже следы, напоминающие синяки. И что-то с ней не так, как-то странно она двигается — словно марионетка. Когда она протискивается через отверстие, рука и нога у нее сгибаются под неестественным углом, словно у засасываемого в соломинку паука.

Во рту у меня пересохло. За моей спиной горящий человек снова воздевает себя на ноги. Жжение в плечах заставляет меня отодвинуться; я едва замечаю хромоту, вызванную ожогами на щиколотках. «Анна, вылезай оттуда. Посмотри на меня!»

Как будто я вижу сон, некий кошмар, где ты бессилён что-либо сделать, где ноги налиты

свинцом, а гортань не может издать ни звука, как ни старайся. Когда умершая десятки лет назад печь вспыхивает, заливая пламенем свое нутро, я кричу, громко, но без слов. Но это ничего не меняет. За железной дверью горит Анна. Одна ее бледная рука, покрываясь пузырями и чернея, прижимается к прутьям, словно Анна передумала слишком поздно.

Жар и дым поднимаются от моего плеча, когда горящий человек вцепляется мне в рубашку и разворачивает лицом к себе. Он пучит глаза на превратившемся в темное месиво лице и щелкает зубами. Мельком оглядываюсь на печь. Руки и ноги ничего не чувствуют. Несмотря на ожоги, должно быть, образующиеся в этот миг у меня на плечах, я застываю на месте.

— Прикончи меня, — шипит горящий человек.

Я не думаю. Я просто втыкаю атам ему в брюхо, отпуская его сразу же, но все же обжигая ладонь. Отступаю на шаг, когда он, дергаясь, падает на пол, натыкаюсь на старый конвейер и повисаю на нем, чтобы не упасть на колени. Долгое мгновение помещение полнится сливающимися воплями — Анна горит, а призрак корчится у моих ног. Он сворачивается сам в себя, пока не остается лишь отдаленно напоминающий человеческое тело комок, обугленный и перекрученный.

Когда он наконец замирает окончательно, воздух мгновенно леденеет. Я делаю глубокий вдох и открываю глаза. Не помню, чтобы я их закрывал. В цехе тишина. Гляжу на печь — она черна и пуста, а когда прикасаюсь к ней, холодна, как будто Анны здесь никогда и не было.

Мне сделали какое-то обезболивание. Укололи чем-то и дали таблеток на потом, чтобы принимать дома. Вот бы славно было, если б они меня свалили на месте, если б я от них проспал всю следующую неделю. Но, кажется, их хватит, только чтобы приглушить боль.

Мама разговаривает с врачом, а медсестра тем временем заканчивает накладывать мазь на мои только что безжалостно очищенные ожоги. Я-то в больницу ехать не хотел. Я пытался убедить маму, что немного календулы и лавандовой настойки вполне достаточно, но она настояла. А теперь, по правде говоря, я очень рад сделанному уколу. Да и прикольно было слушать, как она старается придумать отмазку получше. Несчастный случай на кухне? Или лучше с костром в лесу? Остановилась на костре и выставила меня увальнем, который свалился на горящие угли и в панике практически катался по ним. Они купились. Они всегда покупаются.

На щиколотках и плечах ожоги второй степени. Тот, который на ладони, от последнего удара атамом, вообще слабенький, первой степени, не серьезнее, чем обгореть на солнце. Однако солнечный ожог на ладони редкая гадость. Похоже, в ближайшие дни мне предстоит расхаживать с неоткрытыми банками ледяной газировки в руке.

Мама возвращается вместе с доктором, чтобы они могли начать меня просвечивать. Она на грани между слезами и остервенением. Протягиваю руку и касаюсь ее ладони. Она никогда к этому не привыкнет. Это ее пожирает, хуже чем с папой. Но ни в одной из своих нотаций, ни в одной из своих нудилок насчет предосторожностей и необходимости проявлять большую осмотрительность — никогда она не просила меня остановиться. Я думал, она потребует этого после истории с обеатом прошлой осенью. Но она понимает. Это нечестно, что ей приходится это понимать, но так лучше.

Томас и Кармель заявляются на следующий день, сразу после уроков, практически втискиваясь на нашу подъездную дорожку каждый на своей машине. Они врываются без стука и обнаруживают меня, слегка обдолбанного, на диване перед телевизором, поедающего попкорн и сжимающего в правой руке пакет со льдом.

— Видишь? Я же тебе говорил — живой он, — произносит Томас.

Но Кармель этим не смутишь.

— Ты выключил телефон, — говорит она.

— Я болел дома. Не хотелось ни с кем разговаривать. А вы, как я понимаю, находились в школе, где, согласно правилам, не положено отвлекаться на эсэмэски и телефонные звонки.

Кармель вздыхает и кидает свою школьную сумку на пол, а затем сама плюхается в глубокое кресло. Томас пристраивается на подлокотнике дивана и тянется за попкорном.

— Ты не «болел дома», Кас. Я звонила твоей маме. Она нам все рассказала.

— Я был слишком «болен». И завтра буду таким же. И послезавтра. И, вероятно, послепослезавтра. — Высыпаю еще тертого сыра в миску и предлагаю Томасу.

Мое отношение действует Кармель на нервы. Честно говоря, мне тоже. Но таблетки приглушают боль, а вместе с ней и мозги, достаточно, чтобы не думать о том, что приключилось на «Датских металлоизделиях». Не стоит гадать, реально ли было то, что я видел.

Кармель очень хочется меня повоспитывать. Прямо вижу, как наставление вертится у нее на языке. Но она устала. И встревожена. Поэтому вместо нотации она тянется за

попкорном и говорит, что заберет мою домашку на ближайшие несколько дней.

— Спасибо, — говорю. — Не исключено, что я буду в ауте и часть следующей недели.

— Но это же последняя неделя занятий, — говорит Томас.

— Именно. Что они мне сделают? Исключат за неуспеваемость? Многовато мороки.

Они точно так же хотят дотянуть до лета, как и мы.

Они переглядываются, словно решили, что я безнадежен, и Кармель встает:

— Ты собираешься рассказать, что произошло? Почему ты не стал ждать, как мы решили?

Мне нечего ответить. Это был импульс. Даже больше чем импульс, но им мой поступок наверняка кажется эгоистичным и глупым. Словно я не утерпел. Как бы то ни было, дело сделано. Когда я схватился с этим призраком, все произошло как в предыдущий раз, на сеновале. Появилась Анна, и я видел ее страдания. Я смотрел, как она горела.

— Я вам все расскажу, — говорю. — Но позже. Когда обезболивающих станет поменьше. — Улыбаюсь и встряхиваю оранжевую бутылку. — Хотите зависнуть и позирнуть кино?

Томас пожимает плечами и плюхается рядом, без раздумий запуская пятерню в попкорн с сыром. Кармель требуется лишняя минута и пара вздохов, но в итоге она снова роняет свою сумку и усаживается в кресло-качалку.

При всем их ужасе перед перспективой пропустить один из последних учебных дней, любопытство взяло верх, и на следующий день они заявили около половины двенадцатого, ровно перед началом обеденной перемены. Я-то думал, что готов, но мне все равно требуется несколько попыток, чтобы изложить дело по порядку, чтобы рассказать им все. Один раз я уже все это сказал, маме, перед тем как она отправилась по магазинам и развозить заказы по городу. Когда я закончил, она смотрела на меня так, словно хотела услышать извинения. Типа «Мам, прости, что едва не убился. Опять». Но мне так и не удалось выдать из себя нужные слова. Просто это не казалось важным. Поэтому она просто сказала, что мне следовало дожидаться ответа от Гидеона, и уехала, не глядя мне в глаза. Теперь у Кармель такое же лицо.

Ухитрюсь прохрипеть:

— Простите, что не дождался вас, ребята. Я и не знал, что собираюсь это сделать. Я это не планировал.

— У тебя ушло четыре часа на дорогу туда. Ты что, все это время был в трансе?

— Мы не могли бы сосредоточиться? — встречает Томас. Он просит об этом аккуратно, с обезоруживающей улыбкой. — Что сделано, то сделано. Кас жив. Несколько более хрустящий, чем прежде, но дышит.

Дышит и жаждет перцоцета^[8]. Боль у меня в плечах словно живое существо, все дергает и жжет.

— Томас прав, — говорю. — Нам надо понять, что теперь делать. Надо выяснить, как ей помочь.

— Как ей помочь? — переспрашивает Кармель. — Сначала надо сообразить, что происходит. Насколько нам известно, вся эта штука, возможно, у тебя в голове. Или это иллюзия.

— Считаешь, я выдумываю? Сооружаю некую фантазию? Будь это так, то с чего мне представлять именно это? Зачем мне воображать ее, в состоянии кататонии^[9] бросающейся в печь? Если я выдумываю, тогда мне необходимо несколько часов интенсивной терапии.

— Я не предполагаю, что ты специально, — извиняющимся тоном отвечает Кармель. —

Просто сомневаюсь, реально ли это. И помни, что сказал Морвран.

Мы с Томасом смотрим друг на друга. Мы помним только, что Морвран нагородил кучу бреда. Вздыхаю:

— Так чего вы от меня хотите? Чтобы я сидел тут и ждал? А если то, что я видел, правда? Если она действительно в беде? — Картина ее руки, прижатой к двери топки, проплывает у меня перед внутренним взором. — Не знаю, смогу ли. Не после вчерашнего.

У Кармель круглые глаза. Лучше бы мы не ходили к Морврону, потому что сказанное им только еще больше ее напугало. Вся эта его таинственность, все эти его «силы, сплетающиеся вокруг атама», разговорчики из серии «нечто злое идет сюда» и прочая ересь. Плечи напрягаются, и я морщусь.

— Ладно, — говорит Томас. Он кивает Кармель и берет ее за руку. — В смысле, по моему, мы дурачим сами себя, думая, будто у нас есть выбор. Что бы ни происходило, оно происходит, и я не думаю, что перестанет. Если только мы действительно не уничтожим атам.

Через некоторое время они уходят, и я провожу вторую половину дня на обезболивающих, пытаюсь не думать об Анне и о том, что может с ней происходить. Постоянно проверяю телефон в надежде, что перезвонит Гидеон, но он не перезванивает. А часы идут.

Когда ближе к вечеру домой возвращается мама, она делает мне кружку безкофеинового чая и приправляет его лавандой, чтобы ожоги заживали изнутри. Это не зелье. Никаких чар на нем нет. Колдовство и фармацевтика не смешиваются. Но даже без волшебства чай успокаивает. Вдобавок я принял еще таблетку перцоцета, потому что ощущение в плечах такое, словно они сейчас оторвутся начисто. Лекарство прекрасно действует, и мне хочется заползти под одеяло и вырубиться до субботы.

Заходя к себе в спальню, я наполовину ожидаю увидеть свернувшегося на моем моряцком одеяле Тибальта. Почему нет? Если моя мертвая девушка способна пересекать границу миров, то и мой убитый кот, вероятно, может. Но в комнате никого нет. Забираюсь в постель и пытаюсь поудобнее устроиться на подушках. К сожалению, обожженные плечи делают задачу практически невозможной.

Стоит закрыть глаза — вверх по ногам ползет холод. Температура в комнате резко падает, словно распахнулось одно из окон. Если бы я резко выдохнул, получилось бы облако пара. Атам под подушкой почти поет.

— На самом деле тебя здесь нет, — убеждаю я себя. Может, получится усилием воли превратить слова в правду? — Будь это вправду ты, все выглядело бы не так.

— *Откуда тебе знать, Кассио? Ты же никогда не был мертвым. А я умирала кучу раз.*

Позволяю взгляду сместиться, ровно настолько, чтобы увидеть ее босые ноги в углу возле комода. Всего чуточку вверх, до белого подола платья, ниже колен. Больше я ничего видеть не хочу. Не хочу видеть, как она ломает себе кости или выбрасывается из моего окна. И ее проклятая кровь тоже пусть остается у нее в носу, спасибо. Так она еще страшнее, чем с черными венами и развевающимися волосами. С Анной-в-Алом я обращаться умел. Но с пустой оболочкой Анны Корлов... не понимаю.

Фигура в углу наполовину скрыта в тени и почти такая же бесплотная, как лунный свет.

— Тебя не может здесь быть. Не вправду. Мамины барьерные заклатья по-прежнему лежат на этом доме.

— *Правила, правила, правила... Нет больше никаких правил.*

Ой, да неужели? Или ты лишь плод воображения, как говорит Кармель. Может, это даже не ты. Вдруг ты просто мираж?

— Так и собираешься стоять здесь всю ночь? — спрашиваю. — Мне бы поспать, так что, если хочешь показать нечто крышесносное, нельзя ли поторопиться? — Резкий вдох, и плотный комок подкатывает к горлу, когда ее ноги начинают двигаться мелкими шаркающими шажками к моей кровати. Она подходит так близко, что почти можно дотронуться. Затем опускается на край постели у меня в ногах, и я вижу ее лицо.

Глаза ее, Аннины, и вид их вышибает из меня сон покруче ведра ледяной воды на спину. Лицо у нее то же, что и во всех моих мечтах. Словно она узнает меня. Словно помнит. Мы долго-долго смотрим друг на друга. По ней пробегает рябь, она мерцает словно картинка на старой пленке.

— Я скучаю по тебе, — шепчу я.

Анна моргает. Когда она снова открывает глаза, они красны от крови. Подбородок вздрагивает в агонии, а на груди открываются и закрываются призрачные раны, уродливые алые цветы распускаются и исчезают у нее на руках.

Я ничем не могу ей помочь. Даже за руку подержать не могу. На самом деле она не здесь. Откидываюсь на подушку, ожоги вспыхивают на плечах, и некоторое время мы сидим молча, передавая боль туда-обратно. Я не закрываю глаза как можно дольше, пока в силах это выносить, потому что она хочет, чтобы я видел.

В итоге меня задалбывает ждать, и я снова звоню Гидеону утром. На минуту мне кажется, что гудки в трубке будут длиться бесконечно, и я начинаю гадать, уж не случилось ли с ним чего, когда он наконец отзывается.

— Гидеон? Где ты был? Ты получил мое сообщение?

— Сегодня рано утром. Я бы уже позвонил, но ты еще спал. Голос у тебя ужасный, Тезей.

— Видел бы ты, как я выгляжу. — Провожу ладонью по лицу, заглушая последние слова. С самого моего детства Гидеон всегда мог решить любую проблему. Когда бы у меня ни возникали вопросы, у него находились ответы на них. И именно к нему обращался папа, если дело принимало скверный оборот. Наделенный своей собственной разновидностью магии, он появлялся в моем детстве в самые подходящие моменты, входя к нам в дом в элегантном костюме и с какой-нибудь стремной английской едой мне на попробовать. Всякий раз при виде его лица в очках я понимал, что все будет хорошо. Но на сей раз у меня такое ощущение, будто он не хочет слышать, что я собираюсь сказать.

— Тезей?

— Да, Гидеон?

— Расскажи мне, что случилось.

Что случилось. В его устах это звучит так просто. Должно быть, я просидел у себя в спальне с Анной часа четыре, глядя, как у нее облезает кожа, а из глаз течет кровь. В промежутке между этим и рассветом я вырубился, потому что, когда в следующий раз открыл глаза, стояло утро, а в ногах кровати было пусто.

А теперь белый день и яркое солнце с этим своим смехотворным чувством безопасности. Оно прогоняет все, что таится в темноте, на миллионы миль прочь. При солнечном свете случившееся кажется невозможным, и хотя память об Аннинных ранах свежа и вид ее, горящей в чреве домны, выжжен у меня на внутренней стороне век, при свете дня это представляется почти выдумкой.

— Тезей?

Набираю воздуха. Я стою у себя на крыльце, в утренней тишине, только доски поскрипывают под ногами. Ветра нет, и солнце просвечивает сквозь листву, согревает ткань моей рубашки. Я остро чувствую пустоту на том месте, где появлялась Анна, заглядывая в окно.

— Анна вернулась.

На том конце линии что-то падает на пол.

— Гидеон?

— Она не может. Это невозможно. — Голос его стал ниже и резче, и где-то глубоко внутри меня пятилетний малыш ежится. Спустя все эти годы гнев Гидеона все еще имеет надо мной власть. Одно его резкое словно — и я как щенок поджимаю хвост.

— Возможно или нет, но она здесь. Она контактирует со мной, словно просит о помощи. Я не знаю как. Мне надо понять, что делать. — Слова падают без малейшего отзвука надежды. Внезапно меня накрывает — как же я устал! Каким старым я себя чувствую. Слова Морврапа — насчет уничтожения атама, расплавления его и утопления в глубокой воде — шевелятся где-то в затылке. Мысль неопределенная, но успокаивающая и

как-то связана с Томасом и Кармель — и еще с чем-то, надо только чуток подумать. Что-то такое, сказанное мною некогда Анне, насчет возможностей. И выбора.

— Думаю, дело в атаме, — говорю. — По-моему, с ним что-то происходит.

— Не сваливай на атам. Это ты им владеешь. Не забывай об этом, — парирует он, и голос его суров.

— Я никогда об этом не забываю. Ни на минуту. С тех пор как умер папа.

Гидеон вздыхает.

— Когда я познакомился с твоим отцом, — говорит он, — он был не сильно старше тебя нынешнего. Разумеется, на тот момент он пользовался атамом далеко не так долго, как ты. Но я помню, каким старым он мне показался. Знаешь, однажды он хотел все бросить.

— Да? Он никогда об этом не рассказывал.

— Ну, полагаю, в конечном итоге это значения не имело. Ведь он не бросил.

— Почему? Разве не лучше было бы для всех, если бы бросил? Он был бы по-прежнему с нами. — Резко замолкаю, и Гидеон позволяет мне закончить мысль про себя. Папа был бы по-прежнему здесь. Но других людей не было бы. Он спас кто знает сколько жизней, изгоняя мертвых, и я должен делать то же.

— Как мне поступить с Анной? — спрашиваю.

— Никак.

— Никак? Ты серьезно?

— Серьезно, — отзывается он. — Очень серьезно. Судьба девушки трагична. Мы все это знаем. Но тебе надо оставить ее в прошлом и делать свое дело. Прекрати ковыряться в вещах, которые тебя не касаются. — Он умолкает, а я ничего не говорю. Морвран сказал почти то же самое, и от этого у меня на руках волоски встают дыбом.

— Тезей, ты всегда доверял мне прежде, поверь и теперь. Просто делай свое дело. Делай свое дело и отпусти девочку, и никому из нас не надо будет ничего бояться.

К почти всеобщему удивлению, я возвращаюсь в школу. Кармель явно уже пустила слух о моей болезни. Поэтому я мирюсь с любопытными расспросами, а когда меня спрашивают о перебинтованном плече — белый край повязки торчит из воротника рубашки, — стискиваю зубы и заливаю про несчастный случай в походе. Сначала мне было смешно, но теперь хочется, чтобы мама выбрала менее стыдную отмазку.

Полагаю, с тем же успехом я мог остаться дома, как и намеревался. Но перекатываться с грохотом по пустым комнатам как одинокий безумный мраморный шарик, пока мама объезжает клиентов и поставщиков оккультных товаров, не соответствует моему представлению о приятном времяпрепровождении. Не хотелось весь день смотреть телик, дожидаясь, пока Анна выползет из него, словно та покрытая плесенью баба из «Звонка». Поэтому я вернулся, решительно настроенный выпитывать остатки мудрости, которую готовы преподать мне учителя старших классов. Это что-то вроде удара по голени, чтобы отвлечь от сломанной руки. Но теперь за каждым поворотом, в каждом классе перед глазами у меня только Анна. Ни один из уроков в конце года не оказывается настолько интересным, чтобы ее прогнать. Даже мистер Диксон, мой любимый учитель, совершенно неубедительно рассказывает о последствиях Семилетней войны. Мои мысли блуждают, и меж ушей взрывается голос Гидеона: «Прекрати ковыряться в вещах, которые тебя не касаются. Отпусти ее». Или это голос Морврана? Или Кармель?

То, как Гидеон это сказал, — что если я ее отпущу, нам нечего бояться... Не знаю, что это значит. «Верь мне», — сказал он, и я верю. «Это невозможно», — сказал он, и я верю

ему.

Но что, если она нуждается во мне?

— Так что мы практически прогнулись под Англию.

— А?

Моргаю. Подружка Кармель, Нат, повернулась к нам со своего места и с любопытством на меня шурится. Затем она пожимает плечами:

— Вероятно, ты прав. — Она оглядывается на мистера Диксона, который отошел к своему столу и возится с чем-то в ноутбуке. — Ему, скорее всего, без разницы, правда ли мы обсуждаем войну. Итак. — Она вздыхает с таким видом, будто предпочла бы сидеть перед кем-нибудь другим. — Ты пойдешь с Кармель на вечеринку выпускников?

— А разве она не только для выпускников? — спрашиваю.

— Да ну. Не станут же они требовать пропуск и вышвыривать тебя, если его не окажется, — фыркает она. — Ну, может, и стали бы, будь ты девятиклашкой. Даже Томас мог бы пойти. Кас? Кас?

— Ага, — слышу я собственный голос. Но не совсем. Потому что у Нат теперь другое лицо. Аннино. Губы двигаются в такт, но выражение другое. Словно маска.

— Ты сегодня и впрямь странный, — говорит она.

— Извини. Действие перцоцета кончается, — бормочу я и выскальзываю из-за парты. Мистер Диксон даже не замечает, что я выхожу из класса.

Когда Томас и Кармель обнаруживают меня, я сижу на сцене посреди театра и таращусь на ряды обитых синей тканью кресел. Они все пусты — кроме одного. Учебник по тригонометрии и тетрадка аккуратной стопочкой лежат рядом со мной как напоминание о том, где мне полагается находиться.

— Он в кататонии? — спрашивает Томас.

Они вошли уже пару минут как, но я их не заметил. Если я продолжаю игнорировать одного друга, то могу с тем же успехом игнорировать их всех.

— Привет, ребята, — говорю.

Они бросают сумки с книгами и забираются на сцену. Их шаги отдаются в пустом театре громким эхом.

— У тебя отменно получается уклоняться, — говорит Кармель. — Хотя, может, и нет. Нат говорит, ты ведешь себя еще более странно, чем обычно.

Пожимаю плечами. Больно.

— Поверх ее лица, пока она говорила, проступило лицо Анны. По-моему, я продемонстрировал исключительное самообладание.

Сидя по бокам от меня, они переглядываются характерным образом, какой я наблюдаю у них все чаще.

— А что еще ты видел? — спрашивает Томас.

— Она страдает. Похоже, ее мучают. Прошлой ночью она была у меня в комнате. У нее на плечах и на руках открывались и закрывались раны. Я ничем не мог помочь ей. Ее же на самом деле там не было.

Томас поправляет очки:

— Мы должны выяснить, что происходит. Это... это мерзко. Должно существовать заклятье, способное открыть...

— Может, нам сейчас не мистика нужна, — вклинивается Кармель. — Как насчет чего-нибудь другого, психолога например?

— Да его просто накачают таблетками по самые жабры. Расскажут ему, что у него МДП^[10] или еще чего. И потом, Кас же не сумасшедший.

— Не хочу никого расстраивать, но шизофрения может накрыть в любой момент, — говорит Кармель. — Вообще ее проявление в нашем возрасте — обычное дело. А галлюцинации кажутся такими же реальными, как ты или я.

— Чего ради ты завела про шизофрению? — вскидывается Томас.

— Я не конкретно про нее! Но он же перенес серьезную утрату. Вдруг это реакция психики? Ничто из того, о чем он говорит, не могло быть реальным. Вот ты что-нибудь видел? Чувствовал что-нибудь странное, как твой дедушка говорит?

— Нет, но я несколько притормозил с изучением вуду. У нас же тригонометрия, забыла?

— Я просто говорю, что не всегда дело в духах и магии. Порой преследователи сидят у тебя в голове. И это не делает их менее реальными.

Томас кивает и вздыхает:

— Ладно, это правда. Но я все-таки считаю, что идти к психиатру — неправильный путь.

Кармель почти рычит:

— Ну почему надо сразу за чары хвататься?! Почему ты так уверен, что тут нечто паранормальное?

Ничего более похожего на ссору между Томасом и Кармель я еще не слышал. До чего же занятно наблюдать, как твои друзья спорят о том, есть у тебя психическое заболевание или нет. Начинаю ощущать желание вернуться в класс.

«Прекрати совать нос куда не просят, пока тебе его не отрезали. Вокруг тебя происходит кое-что еще, вроде бури».

А по фигу.

В шестом ряду зрительного зала, на третьем месте справа, Анна подмигивает мне. А может, просто моргает. Не разобрать. У нее нет половины лица.

— Пойдемте потолкуем с Морвраном, — говорю я.

Колокольчик над дверью магазина звонит, изнутри доносится клацанье когтей по паркету, и наконец Стелла врезается мне в ноги. Чешу ее за ухом, а она таращится на меня снизу вверх своими громадными, как у тюлененка, карими глазами, а затем переходит к Кармель.

В магазине мы не одни. Морвран беседует с двумя женщинами за сорок, эдакими дамами в свитерах, они спрашивают об одной из фарфоровых раковин. Морвран смеется и принимается излагать им уютную историческую байку, которая с равной долей вероятности может оказаться и правдой и вымыслом. Странно наблюдать за его общением с покупателями. Он так *любезен*. По пути в заднюю комнату стараемся не слишком шуметь. Спустя несколько минут слышим, как дамы прощаются со Стеллой и благодарят Морврана, а еще через пару мгновений хозяин с собакой проходят через занавеску в заднюю часть заведения, где он держит более странные и загадочные оккультные товары. Мамины свечи красуются на столике в передней витрине. Ее изделия стали мейнстримом.

Судя по тому, как Морвран на меня смотрит, он вот-вот достанет докторский фонарик и проверит у меня реакцию зрачков. Руки у него сложены на груди, отчего черный кожаный жилет топорщится, а логотипа «Аэросмит» на футболке не видно. Когда Томас кидает ему свеженабитую табакотрубку, он выстреливает рукой в воздух и ловит ее, не отрывая взгляда от моего лица. Трудно поверить, что добродушный владелец антикварной лавки и этот адепт

черной магии одно и то же лицо.

— Забежали перекусить после школы, ребятки? — спрашивает он, приветливо улыбаясь. Затем смотрит на часы. — Не сходится. До конца занятий еще пять часов.

Томас нервно откашливается, и мохнатые брови Морврана поднимаются.

— Вылетишь за неуспеваемость — будешь все лето выковыривать засохшую грязь из каждой мелочи, купленной мной на барахолках.

— Вылететь мне не грозит. Это ж последние две недели. Никто уже и не парится, на самом-то деле.

— Я парюсь. И маме Каса не все равно. Только попробуй об этом забыть. — Он кивает на Кармель. — А у тебя как?

— Средний балл — отлично, — рапортует она. — Таким он и останется. А главное — результат, как говорит папа. — Улыбка у нее милая, извиняющаяся, но уверенная.

Морвран качает головой.

— Ты разговаривал с этим своим британским другом? — спрашивает он меня.

— Ага.

— Что он сказал?

— Сказал отпустить.

— Хороший совет. — Он затягивается трубкой, и на выдохе лицо его скрывается в клубе дыма.

— Я не могу ему последовать.

— Придется.

Вперед выступает Кармель, тоже скрестив руки на груди:

— Почему это придется? Не перебор ли уже с загадочностью? Может, если вы просто расскажете нам, что происходит и почему нам следует оставить это дело, так мы и оставим?

Морвран отводит взгляд, кладет трубку на стеклянную столешницу.

— Я не могу рассказать вам того, чего не знаю. Это не точная наука. Не сводка новостей. Это просто мерцает тут, внутри, — говорит он, указывая на собственную грудь. — Или тут, — указывает на висок. — Оно говорит — держись подальше. Оно говорит — отпусти. Люди следят за тобой. Такие люди, относительно простого наблюдения которых ты ничего не имеешь против, но надеешься, что они никогда не появятся. И есть еще кое-что. — Он снова присасывается к трубке, и вид у него глубокомысленный — только так и можно выглядеть, когда куришь трубку. — Нечто пытается сдерживать ситуацию, тогда как нечто иное пытается тянуть вперед. И именно это меня больше всего и заботит, если хотите знать правду. Из-за этого мне трудно держать язык за зубами.

— Трудно держать язык за зубами по какому поводу? — спрашиваю я. — Что вы знаете?

Морвран смотрит на меня сквозь дым, но я не отвожу взгляда. Я не собираюсь отступить. Не могу. Я ей обязан. И не только. Мне невыносимо думать, что она страдает.

— Просто брось это, ладно? — говорит он, но я слышу: решимость покинула его голос.

[Купить полную версию книги](#)

Пила и Джейсон — персонажи знаменитых фильмов ужасов «Пила» (2003) и «Пятница 13-е» (1980). (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

Речь идет о постхипповской эзотерической традиции совместных бдений с применением расширяющих сознание духовных практик, типа холотропного дыхания, медитаций и т. п.

Гало — оптическое явление, светящееся кольцо вокруг источника света.

Пакман (Pac-Man) — старинная японская аркадная игра-ходилка, где персонаж уворачивается от привидений.

«Эмерикен Игл» (American Eagle) — сеть магазинов одежды и аксессуаров.

«Нетфликс» (Netflix) — [американская](#) компания, поставщик [фильмов и сериалов](#) на основе [ПОТОКОВОГО МУЛЬТИМЕДИА](#).

«Клиника» (Scrubs) — американский [комедийно-драматический телевизионный сериал](#), посвященный работе и жизни молодых [врачей](#). Несмотря на принадлежность к жанру комедии, наряду со смешными в нем присутствуют и серьезные драматические сцены. Премьера сериала состоялась [в 2001 г.](#), показ завершился в [2010 г.](#)

Перцет (оксикодон) — обезболивающий препарат. Обычно выписывают при умеренной и сильной боли.

Кататония — психопатологический синдром, частым клиническим проявлением которого являются двигательные расстройства, в том числе бессознательное причинение вреда себе и окружающим. Другим клиническим проявлением может быть ступор, длящийся дни, недели или даже месяцы.

МДП — маниакально-депрессивный психоз, старое название биполярного расстройства.